

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

Л.В. Балашова

Семантика

Конспект лекций

Саратов, 2011

1. Предмет и задачи семантики

Основное содержание. Двойственность предмета семантики: значение и смысл. Узкое понимание задач семантики как науки, изучающей значение единиц языка и системных отношений между ними. Широкое понимание задач семантики как науки, изучающей смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления и моделирующей способность человека вербализовать и понимать смысл в речевой деятельности.

Текст лекции.

1.1. Вводные замечания

Содержательная сторона языка – одно из самых удивительных и в то же время одно из самых загадочных явлений, окружающих человека и сопровождающих всю его сознательную жизнь. Однако, используя язык как средство общения, формирования и выражения мысли, мы обычно не подозреваем, какая сложная связь существует между звучащей речью и мыслью, воплощенной в языковые значения. А ведь люди говорят посредством слов, судьбы которых, пожалуй, намного сложнее, удивительнее и разнообразнее судеб человеческих. Они немые свидетели человеческой истории и культуры. Развитие языковых значений лучше любых хроник отражает судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способы мышления людей.

Да, язык не выдает своих тайн, но именно это «молчание» является настойчивым призывом разгадать то, что как бы незримо написано между строк. Это, в свою очередь, поможет лучше разобраться в сущности человеческой культуры, наиболее ярким проявлением которой является Язык, Слово.

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.
И: А. Бунин. Слово

Разгадать, увидеть, понять жизнь слова — заветная мечта каждого, кто хоть раз, хоть на миг оказался перед необходимостью ответить на вопрос, каким образом достигается взаимодействие звучания и значения, гармония мысли и языка.

Можно утверждать, что именно стремление разгадать эту тайну и послужило важнейшим стимулом зарождения науки о языке. Так, что в древней Индии — колыбели языкознания — первые лингвистические изыскания были вызваны потребностями в толковании отдельных «форм»

санскрита — языка древнеиндийских религиозных гимнов (вед), в странах Арабского Востока таким стимулом было толкование полузабытых или утраченных «форм» древнеарабского языка — языка «Корана», священной книги мусульман.

1.2. Двойственность предмета семантики

Семантика, как и всякая научная дисциплина, имеет свой предмет. Но определить этот предмет не так просто, как это может показаться. Хотя большинство лингвистов согласилось бы с тем, что семантика изучает значение языковых выражений, на вопрос о том, что следует понимать под значением, не существует общепринятого ответа. Из-за разного понимания предмета по-разному проводятся границы между семантикой и другими лингвистическими дисциплинами. Поэтому вопрос о предмете семантики заслуживает самого внимательного рассмотрения.

Поскольку термин «значение» в разных лингвистических теориях имеет разное значение, используем нейтральный термин «содержание», или «информация» и будем считать, что семантика — раздел языкознания, изучающий содержание единиц языка и тех речевых произведений, которые из этих единиц строятся.

Теперь обратим внимание на тот факт, что во многих естественных языках для обозначения содержания языковых выражений существует не одно, а (по меньшей мере) два слова: смысл и значение в русском языке, Sinn и Bedeutung в немецком, sense и meaning в английском, смисъл и значение в болгарском, jelentoseg и ertelem в венгерском.

Уже этот факт наталкивает на мысль, что в сознании носителей языка присутствует два связанных между собой, но не тождественных понятия о содержании, языкового выражения, «информации», передаваемую этим выражением.

И именно в этом заключается причина разногласий в понимании значения как предмета семантики: ведь если у содержания языковых выражений есть по меньшей мере две разных ипостаси, то предметом семантики (значением) можно объявить либо одну из них, либо другую и, в соответствии с этим, проводить границы данной области языкознания.

1.3. Значение и смысл — две ипостаси содержания

Синонимические словари русского языка подают *смысл* и *значение* в интересующих нас употреблениях как синонимы. Однако употребление этих слов показывает, что содержание этих слов не тождественно.

Для иллюстрации не тождественности этих терминов можно привести и примеры употреблений этих слов:

(а) *Значение это надписи не ясно = Не ясно, что означает это надпись – Смысл его выступления (анализ хозяйственной ситуации в Саратове) заключался в том, что Аксёненко следует уйти в отставку (нельзя проделать такую же процедуру);*

Вы не знаете значения этих слов – Вы искажили смысл (а не значение) моих слов.

Каково значение слова? – В чём смысл этих слов?

Значение может исходным и производным, прямым и переносным, новым и устаревшим – Смысл может изначальным, тайным, загадочным, истинным и т.д.

Таким образом, значение и смысл противопоставляются друг другу, причем, прежде всего, языковое значение и смысл различаются как постоянная и переменная категории сознания.

Языковое значение является инвариантным (стабильным, устойчивым и поэтому общим для всего языкового коллектива) содержанием языкового сознания (языкового знака). Оно как постоянная величина языкового сознания обладает системным (И. А. Стернин), нормативным, унифицированным (Д. В. Ольшанский) и социально-историческим характером.

Следовательно, значение – это закреплённое за данной единицей языка относительно стабильное во времени и инвариантное содержание, знание которого входит в знание этого языка.

Конечно, это относительно стабильное и относительно чётко определённая категория. Вместе с тем значение неотделимо от языкового знака. Это содержательная сторона языкового знака. Если взять лексические значения, то значениями лексических единиц будет та информация, которая закрепляется за ним социальным сознанием в этот отрезок времени. Именно значения получают отражения в толковых словарях. Мы можем знать или не знать эти значения. Мы ориентируемся на значения, когда слушаем речь и оперируем ими в собственной речевой деятельности. Мы можем узнать или сформулировать для себя значение того или иного языкового выражения в ходе речевой и других типов деятельности.

Однако в речи, в конкретном общении мы имеем дело не только со значениями (как инвариантными единицами), но и со смыслом (переменной величиной).

Смысл – нечто изменчивое, нерегламентированное. Смысл приходится искать, улавливать, разгадывать, подбирать ключи к его раскрытию и т. п.

Значение знак имеет как свою неотъемлемую принадлежность, а *смысл* знак заключает в себе как нечто внешнее, временно наполняющее собой знак.

Приобрести знак может и *значение*, и *смысл*, но *наполниться* знак может только *смыслом*. Это различие не случайно. Глагол *приобретать* обозначает мгновенное изменение ситуации, а *наполняться* — постепенное. Очевидно, что только при отсутствии заданности связи между знаком и некоторой информацией (что характеризует концепт *смысла*) установление такой связи может мыслиться как длящийся процесс и выражаться глаголом, обозначающим постепенное изменение положения дел.

Таким образом. смысл – это связанная со словом или другой единицей языка информация, изменчивая во времени, варьирующаяся в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка.

Но *языковое значение* при сложении опирается на объективно-общественные *смыслы*. Это результат структуризации объективно-общественных смыслов.

Весьма ярким примером тому может быть соотношение значения и смысла термина *демократия*, составленное не в лингвистическом исследовании, а в газетной публикации (автор С. Филатов, «Известия». 1992. № 23), рассказывающей о симпозиуме «Демократические перемены в сегодняшнем мире». «Если кто-то из читателей считает, что ныне, в конце XX века, политики, обществоведы под словом *демократия* понимают одно и то же, то он ошибается». Автор статьи приводит несколько выдержек из выступлений участников симпозиума, демонстрирующих смысловой спектр значения слова *демократия* (гр. *demokratia* < *demos* -род» + *kratos* «власть») — «народовластие»: *демократия* – это «правление народа», «поиски всеобщей ответственности в осуществлении власти», «консенсус», «плюрализм», «политико-культурный феномен Запада», «гарантия индивидуальных прав и свобод», «противоположность тоталитаризму», «отношение правителей к управляемым» и др. Автор передает далее свое восприятие услышанного. «...Усиливалось смешанное чувство: с одной стороны, крепло осознание демократии как универсальной ценности человечества», а с другой – одновременно вырастал справедливый вопрос: есть ли пределы смыслового многообразия слова и понятия «демократия»? Постепенно, говорится в статье, вырисовывалась некая, не отличающаяся научной точностью, но зато вбирающая в себя мнения большинства участников симпозиума дефиниция значения слова *демократия* — это определенная форма правления, основанная на соблюдении прав человека и свободе личности».

Данный пример достаточно убедительно показывает структурирование объективно-общественных смыслов (их иерархия, установление между ними закономерных связей), которое и формирует значение слова.

В речи любое значение может подвергаться различным смысловым модификация. Например, в речи коммунистов слово *демократ* звучит почти как ругательное (эта смысловая модификация присуща не одному человеку, а определенной социальной подгруппе). Смысловые модификации могут быть обусловлены конкретной исторической обстановкой. Так, в одном из своих выступлений Елена Боннар (супруга Сахарова) утверждала: слово *демократ*, вследствие того, что многие демократы первой волны, войдя во власть, были взяточниками, ворами, многие считают синонимом слов «коррупционер». Однако вряд ли можно говорить о новом значении слова *демократ*. Просто в очень короткий отрезок данное слово может наполниться смыслом, почти противоположным значению этой лексемы.

Смысловые модификации мы постоянно наблюдаем в художественной речи, например, при использовании метафор. Метафоры как значения есть у многих многозначных слов, они известны всем носителям языка, они стандартны. «Экспрессивно-смысловая основа поэтической метафоры, — отмечает В. В. Виноградов, — является не только диффузной, но и переменчивой. Одна и та же метафора получает разные смыслы в зависимости от контекста» (Виноградов В. В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М.: Наука, 1963. С. 188).

Ср. у М. Цветаевой:

Звезда над люлькой — и звезда над гробом!

А посредине — голубым сугробом —

Большая жизнь. — Хоть я тебе и мать,

Мне больше нечего тебе сказать,

Звезда моя!..

В данном контексте метафорическое значение слова звезда подвергается трехэтапной смысловой модификации: а) *звезда* – светящееся небесное тело; б) *звезда* — судьба; в) *звезда* – дорогой и «светлый» человек (обращение к смертельно-больной дочери). Традиционная для русской поэзии метафора в поэтической речи М. Цветаевой получает неординарное смысловое наполнение (Чекалина Н. Г. *Художественно-изобразительная архитектура лирических произведений М. И. Цветаевой*: АКД. Волгоград, 1998. С. 18).

Но смысловая модификация присуща и обыденной речи. Многие исследователи считают, что смысл слова — категория речевой семантики. Развивая потебнианские традиции, сторонники этой концепции в современной семасиологии языковому значению («ближайшее значение», по Потебне) противопоставляют смысловое содержание (смысл) слова («дальнейшее значение», в терминологии Потебни) — величину ситуативно и контекстуально обусловленную (А. В. Бондарко), связанную с действием

лично-субъективных факторов.. Действительно, речевая ситуация и контекст способны обострить, уточнить семантические акценты слова, выделить необходимые для данного общения, то есть коммуникативно значимые, смыслы. Вот как рассуждает по этому поводу герой романа Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы»:

«Я никак не могу забыть Вашего «звоните», брошенного мне со ступеньки трамвайного вагона.

Для незнакомого такое «звоните» — это разрешение на продолжение знакомства. Для меня, знающего Вас, это «звоните» — всего лишь «до свидания», к сожалению, ни на какое свидание не намекает.

Если бы Вы сказали «позвоните» — это было бы не только Ваше разрешение, но и Ваше желание. Две буквы, а какая Разница. «Позвоните» не говорится в первый день знакомства» .

Значения глагола *звонить /позвонить* в данном отрывке ревизуются общими условиями осуществления коммуникативного акта, которые в лингвистике называют глобальным контекстом, другие лингвисты — коммуникативным или широким.

Значение и смысл не только противопоставлены, но и взаимосвязаны. Закодированные в означаемом языкового знака объективно-общественные смыслы, фиксирующие в нашем сознании свойства и признаки денотата, а также их связи и отношения с уже имеющимися языковыми знаниями, определяют собой сущность *значения* языкового знака. С другой стороны, *значение* существует и реализуется в живой речи, в которой «значение является только камнем в здании смысла» (Л.С. Выготский). Отсюда вся сложность диалектического взаимоотношения смысла и значения: смысл выражается в значении языкового знака, а значение выступает конструктивным элементом речевого смысла, иными словами, «значение выражается в смысле», ибо «весь процесс речи определяется смысловыми отношениями между значениями слов» (Рубинштейн С.Л.).

Подведем итог нашим наблюдениям. Рассмотренные выше различия между *значением* и *смыслом*, получают единое объяснение, если принять, что смыслу и значению соответствуют в сознании носителей языка два близких, но отнюдь не тождественных концепта, которые можно определить следующим образом:

Значение X-а — это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации.

Смысл X-а для Y-а в T — это информация, связываемая с X-ом в сознании Y-а в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации.

1.3. Две концепции семантики: узкая и широкая

Итак, содержание языковых выражений имеет две ипостаси, воплощенные в обыденных словах русского языка смысл и значение. Каждая из этих двух ипостасей по справедливости может претендовать на то, чтобы быть предметом семантики.

Надо сказать, что ученые, занимающиеся семантикой, понимают ее предмет по-разному. В. А. Звегинцев, сравнивавший семантику с «владетельной принцессой», писал по этому поводу следующее: «...наша принцесса обладает волшебным качеством: каждый из поклоняющихся ей видит ее по-иному — в том виде, в каком она представляется ему наиболее привлекательной. И каждый из ее паладинов отважно защищает свой образ, стремясь подчинить своему видению и других» [Звегинцев 1976: 60]. Но при всех частных различиях в подходах к описанию содержательной стороны языка, множество направлений современной семантики можно свести к двум противостоящим друг другу концепциям, существование которых объективно обусловлено двойственностью предмета семантики. Эти две концепции семантики можно условно назвать *узкой и широкой*.

Узкая концепция семантики делает своим предметом значение единиц языка и построенных из них языковых выражений. При широкой концепции семантики ее предметом, кроме того, является и смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления.

Рассмотрим это различие во взглядах на предмет семантики более подробно. При узкой трактовке семантики на объект исследования накладываются существенные ограничения. Стараясь не покидать пределов «чистой» лингвистики, языковеды, стоящие на этой позиции, принципиально отказываются от анализа содержательной стороны речевых произведений в полном ее объеме и интересуются лишь той частью содержания, которая закодирована единицами языка, составляющими данный речевой отрезок. Они исходят при этом из того, что для передачи и понимания такой информации человек использует только свое знание языка и не обращается к знаниям других типов: к сведениям об авторе или адресате сообщения, о деталях конкретной обстановки, в которой употребляется данное высказывание, к энциклопедической информации о тех предметах и событиях, о которых идет речь. Такой подход упрощает дело, поскольку позволяет оперировать предложениями, изолированными от контекста их употребления. Однако ценой такого упрощения является снижение объяснительной силы теорий, реализующих узкую концепцию семантики. Во-первых, они могут проинтерпретировать только полные и идеально

правильные предложения, поскольку интерпретация неполных, эллиптических предложений типа:

- *Пожалуйста, город!*
- *Когда на Читку подойдет?*

требует обращения к ситуации общения и знаниям о мире. Однако наша повседневная речь полна такого рода высказываний, которые мы прекрасно понимаем, и эта наша семантическая способность должна быть описана и научно объяснена. Оставаясь в рамках узкого подхода к семантике, мы этого сделать не можем.

Во-вторых, мы не сможем объяснить весьма распространенное в речи использование языковых выражений не в прямом, буквальном, а в переносном смысле. Так, мы не сможем объяснить, почему на вопрос типа (*А где Вася Иванов?*), который, например, лектор адресует студентам в аудитории, вполне уместным ответом может быть (*Он заболел*).

Хотя языковое значение вопросительно-относительного местоимения *где* — это своего рода переменная, областью определения которой является множество местонахождений, а ответ, который должен указать конкретное значение этой переменной, не содержит никакой информации о местонахождении Васи Иванова, этот ответ, вопреки очевидному языковому несоответствию заданному вопросу, рассматривается как вполне корректный. Существует точка зрения, что за объяснение явлений, подобных тем, что проиллюстрированы этими примерами т. е. таких, которые требуют выхода за узкие рамки анализа закодированной исключительно языковыми средствами информации, должна отвечать другая, уже не собственно лингвистическая, а «пограничная» дисциплина, лежащая на стыке лингвистики с психологией, социологией, когнитологией и, возможно, другими гуманитарными науками — **прагматика**. Однако такой подход связан с необходимостью проведения четкой демаркационной линии между собственно языковыми и экстралингвистическими знаниями, что в ряде случаев представляется практически трудно осуществимым. Поэтому вместо того, чтобы тратить время и силы на «обустройство» и «укрепление» границ «чистой» лингвистики, лучше отнести к ведению лингвистической семантики всю содержательную сторону единиц языка и состоящих из этих единиц речевых произведений независимо от типа знаний, на которые мы опираемся при ее выражении или понимании.

При этом следует признать, что на первом этапе превращения семантики в науку, использующую строгие и точные методы исследования и составляющую интегральную часть общего описания языка, **редукционизм**, т. е. сознательное сужение объекта исследования, был оправдан. Однако с

течением времени он должен был быть преодолен, исходя как из внутренних потребностей развития самой науки, так и из требований, которые ставит перед ней общественная практика. Так, когда стала складываться та область прикладных исследований, которая ныне именуется компьютерной или вычислительной лингвистикой, оказалось, что при узкой концепции семантики, ограничивающей ее предмет языковым значением, трудно ожидать успешного решения таких важных прикладных задач, как обеспечение общения пользователя с компьютером на языке, близком к естественному, как автоматизация логического вывода по тексту и т. п. Целый ряд исследователей пришли к выводу, что предмет семантики должен трактоваться шире. А. Е. Кибрик сформулировал это требование в качестве одного из постулатов современной лингвистики — постулата о границах семантики: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 1992: 25]. Мы в дальнейшем будем исходить именно из такого — широкого — понимания предмета семантики.

Если термином «значение» мы договоримся обозначать любое содержание, информацию, передаваемую посредством языка, то тогда мы можем согласиться с традиционным определением семантики как раздела языкознания, изучающего значение языковых выражений. Однако более традиционным является использование термина «значение» в более узком смысле. Потому нам и понадобился анализ возможных типов языковой информации, что ограничившись традиционным определением предмета семантики, мы не дали бы ясного представления о его границах.

Заметим, что, как это часто бывает, термином семантика обозначают не только лингвистическую дисциплину, но и ее предмет (объект). Так, можно сказать, например, что «семантику служебных слов невозможно описать без обращения к широкому контексту их употребления» или что «семантика интонации начала изучаться сравнительно недавно». Тем не менее, высказывание *Семантика изучает семантику* выглядит явно нелепо из-за своей неинформативности: в нем не сообщается о предмете речи (семантике) никакой новой информации ('семантика изучает то, что является объектом ее изучения' или, если угодно, 'наука, которая изучает семантику, изучает семантику'). Это еще один пример того, что для объяснения способности человека отличать семантически правильно построенные высказывания от аномальных нужны не только точные знания о значениях слов и правилах их употребления, которые добывает семантика в узком понимании, но и знания

о принципах и правилах речевого общения, учет которых обеспечивает только широкая концепция семантики.

2. Место семантики в системе языка и в его интегральном описании

Основное содержание. Семантика как внутренняя сторона (содержание) единиц языка (морфем, слов, предложений) и построенных из них текстов.

Соотношение семантики с фонологией, морфологией, синтаксисом, лексикологией: фоносемантика, грамматическая семантика, синтаксическая семантика, лексическая семантика.

Соотношение лингвистической и логической семантики.

История становления семантики как самостоятельного раздела языкознания. Основные направления и школы современной лингвистической семантики.

Текст лекции.

2.1. Семантика как внутренняя сторона единиц языка.

Основой для выделения лингвистических дисциплин, как известно, служит иерархическое строение языковой системы, состоящей из подсистем, называемых уровнями языка, каждому из которых соответствует определенный тип единиц и правил их использования.

Картину соотношения языковедческих дисциплин с общепринятым представлением об уровневой организации языковой структуры отражает следующая схема:

	<u>Уровень</u>	<u>Дисциплина</u>
Предложение	Синтаксический	Синтаксис
Слово	Лексический	Лексикология
Морфема	Морфемный	Морфология
Фонема	Фонемный	Фонология

Если мы попытаемся вписать семантику в рамки данной схемы, то обнаружим, что нельзя просто достроить ее, добавив к иерархии единиц языка единицы какого-то дополнительного уровня. Ведь все единицы, фигурирующие в нашей схеме, во-первых, имеют материальное воплощение, а во-вторых, в совокупности исчерпывают инвентарь единиц, которые образуются в результате членения текста на все более мелкие составляющие.

И хотя в лингвистике широко используется понятие «семантический уровень», речь при этом идет не об уровнях языка, а совсем о других уровнях — уровнях представления языкового выражения (обычно предложения) в моделях языка, ставящих своей целью формальное описание соответствия между содержанием (смыслом) и формой его выражения в языке, например, в модели «Смысл $\langle \xi \Rightarrow \rangle$ • Текст» или в генеративной (порождающей) грамматике. Так что для вписывания семантики в нашу схему необходимо было бы превратить последнюю из плоской в объемную, добавив новое измерение: ось «форма — содержание». Поскольку такое усложнение схемы вряд ли будет способствовать ее наглядности, мы не станем прибегать к помощи графики.

Объект семантики (в узком смысле) — содержательная сторона значимых единиц языка, т. е. их значение. Поскольку мельчайшей значимой единицей языка признается морфема, то в сферу интересов семантики попадают единицы всех уровней от морфемы и выше, и тем самым семантика оказывается тесно связанной с тремя традиционно выделяемыми дисциплинами академического лингвистического цикла: морфологией, лексикологией и синтаксисом. Как периферийное явление в языках мира существует связь некоторых видов значений непосредственно с фонемами слова — звукоподражание и звукосимволизм (подробнее см. ниже), и в этой части семантика оказывается связанной также с фонологией.

Единицы разных уровней языка естественно обладают разными типами содержания, и соответственно внутри единой дисциплины семантики могут быть выделены такие разделы, как морфемная семантика, лексическая семантика, синтаксическая семантика (семантика предложения).

Разумеется, семантическая проблематика так или иначе затрагивалась и в рамках традиционных лингвистических дисциплин, поскольку описание языковых средств без учета выражаемого с их помощью значения не только было бы лишено ценности, но и в принципе вряд ли осуществимо (даже дескриптивисты, принципиально отказывавшиеся от изучения значения языковых форм, вынуждены были апеллировать к семантике, поскольку их метод анализа языка опирался на суждения информантов о сходстве значений тех или иных форм). Так, части речи в морфологии обычно определяются со ссылкой на семантические свойства слов, составляющих данный класс (ср. традиционное определение имени существительного как части речи, обозначающей предмет (субстанцию) и выражающей это значение в определенных грамматических категориях). Описание грамматических категорий также включает в себя в качестве обязательного компонента описание общего значения категории и частных значений,

выражаемых их формальными показателями — значений падежей, глагольных времен, видов, залогов и т. п. В синтаксисе описывается общее значение членов предложения и разнообразных синтаксических конструкций, рассматриваются семантические эффекты, которые возникают по причине изменения порядка слов в предложении, дается характеристика значения некоторых разрядов служебных слов, например, союзов, частиц и т. п. Однако и в морфологии, и в синтаксисе в фокусе внимания оказываются прежде всего сами языковые средства и способы, которые язык использует для оформления и выражения мысли, а не их содержательная сторона. Наиболее семантически «нагруженной» из традиционных лингвистических дисциплин является лексикология, включающая разделы, посвященные природе лексического значения, семантическим отношениям, связывающим слова в лексической подсистеме языка и некоторым другим вопросам лексической семантики, впрочем, далеко не исчерпывающим семантическую проблематику, связанную с данным уровнем языка.

Таким образом, семантика, даже при узком понимании ее предмета, служит необходимым дополнением к традиционным лингвистическим дисциплинам, поскольку в ее рамках фокус внимания переносится с языковых средств и способов, принадлежащих каждому из уровней языка, на выражаемое с их помощью значение, которое становится объектом углубленного изучения. Кроме того, именно на долю семантики выпадает задача синтеза знаний о значениях единиц разных уровней (например, знаний о значениях слов со знанием о значениях синтаксических и интонационных конструкций), поскольку она должна объяснять, как из значений единиц определенного уровня формируется значение единиц более высокого уровня. Если же исходить из широкой трактовки предмета семантики, то она ставит перед исследователем вопросы, выходящие далеко за рамки компетенции трех вышеуказанных дисциплин. Например, каким образом говорящему удастся передать с помощью предложения (а слушающему получить из предложения) гораздо больше информации, чем та, которая закодирована в нем с помощью языковых единиц разного уровня и составляет языковое значение предложения? Как человек соотносит употребленное в речи предложение с действительностью? На эти вопросы отвечает семантика высказывания. Как из предложений-высказываний формируется смысл целого текста и что он собой представляет? На этот вопрос отвечает семантика текста.

При любой трактовке предмета семантики в ее задачи входит разработка собственного концептуального аппарата, т. е. создание системы понятий, в терминах которых могут быть описаны разнообразные аспекты значения единиц языка любого уровня, а также внутриуровневые и

межуровневые отношения, связывающие эти значения. Для того чтобы говорить о значении и смысле языковых выражений, семантика должна располагать специальным «языком описания семантики языка», т. е. семантическим метаязыком. Как и всякая самостоятельная научная дисциплина, семантика имеет особые методы исследования своего объекта — методы семантического анализа, и процедуры проверки правильности получаемых результатов.

2.2. Становление семантики как самостоятельного раздела языкознания

В качестве самостоятельной научной дисциплины семантика выделилась сравнительно недавно, в конце XIX в. Термин *семантика* ввел в науку французский ученый Мишель Бреаль. Однако вопросы содержательной стороны языковых единиц интересовали исследователей гораздо раньше.

2.2.1. Слово и его значение в долингвистической философии языка

Огромнейшую популярность в античной философии получила теория именованья, пытавшаяся разьяснить сущность связи между «вещью», «предметом» и звучащим словом. Создатели этой теории разделились на два враждующих лагеря, один из которых считал, что наименование определяется самой природой предмета (они выдвинули в качестве лозунга термин «фюзей» — «по природе») (Платон); их оппоненты (Аристотель) доказывали, что наименования предметы получают по условному соглашению, по обычаю, сознательно, произвольно, т. е. без связи с природной сущностью предметов; они использовали термин «тпезей» — «по положению, по соглашению»). Этот спор обычно возводят к взглядам Гераклита Эфесского (540—480 гг. до н. э.) и Демокрита (460—370 гг. до н. э.). Он лег в основу сюжета знаменитого диалога «Кратил», написанного гениальным Платоном (428—348 гг. до н. э.). Взгляды Гераклита были восприняты стоиками. Их привлекала в учении Гераклита идея слова-логоса как вместилища знания, иначе говоря, идея вербальности мышления. Особенно плодотворно эта идея развивалась в учении Филона Александрийского (рубеж I в. н. э.). Если для Гераклита слово — это только носитель знания, то для Филона слово — не только носитель, но и источник знаний. В дальнейшем идея логоса как источника знания, премудрости появляется в раннем христианстве (Иоанн Богослов), разрабатывается и детализируется Климентом Александрийским, Афанасием Великим, Августином и обобщается Фомой Аквинатом. Таким образом, античная наука в лице Гераклита Эфесского и Филона Александрийского уже имела

общую концепцию языкового значения, названную Евгением Михайловичем Верещагиным и Виталием Григорьевичем Костомаровым **континической**. Мысль о слове как вместилище (носителе и источнике) знания, «премудрости», несомненно, представляет светлую сторону античной науки. Ее туманная сторона состоит в «перевернутости» природы языковой семантики: слово мыслится исключительно как дарованный человеку инструмент общения. Слово наделяется способностью без участия человека реализовать себя в материальном мире, «воплощаться» и определять ход истории. Кстати, континическое понимание языкового значения наблюдается не только в эллинском мире, но и в других древних цивилизациях. Аналогичные суждения содержатся в Ригведе («Слово есть мудрость, исходящая от божества»), в Авесте («Слово Первосущности творит мир»).

Представление о связи между словами и вещами было уточнено средневековыми философами и грамматистами. Они разграничили саму вещь и «понятие» о вещи, ассоциируемое с формой слова в умах говорящих на данном языке. Для обозначения понятийного содержания слова схоласт Иоанн Солсберийский (XII в.) ввел специальный термин — **сигнификат** (significatum), употребляемый и в современной семантике. Эта средневековая концепция двойной отнесенности слова: к выражаемому им понятию (сигнификату) и обозначаемому предмету (денотату, референту) без существенных изменений дожила до наших дней. Она лежит в основе многих концепций языкового значения (напр., «семантического треугольника» Ч. Огдена и А. А. Ричардса и других пониманий значения).

2.2.2. Концепции языкового значения в эпоху Ренессанса

Дальнейшее развитие семантическая проблематика получает в трудах философов и грамматистов эпохи Возрождения. «Компендий» немецкого ученого-теолога Николая Кузанского (1401—1464) можно считать первой попыткой сформулировать общую теорию языка как знаковой системы. Здесь формулируются такие важные семантические положения, как идея о некоем первичном базовом языке, состоящем из таких знаков, которые не нуждаются ни в каком обосновании и толковании, а сами используются для объяснения всех прочих понятий. В наше время эта идея получает воплощение в технике компонентного анализа, в разработке «семантических языков» для описания смысла текстов на естественном языке. В том же «Компендии» в зачаточном виде высказывается мысль о комбинировании смысловых компонентов как принципе устройства значения.

Начиная с эпохи Возрождения и в дальнейшем, в эпоху Просвещения, формируется принципиально новое отношение к сущности языкового значения.

Осознается динамический характер языка; открытие родства языков и зарождение сравнительно-исторического языкознания привело к обоснованию принципа языкового релятивизма. Наконец, энциклопедисты блестяще доказали, что языковая семантика может быть вместилищем их собственного, личностного (в том числе и богоборческого) знания.

Так, мало-помалу распространилась и даже стала привычной мысль о том, что не божество, а сами люди вмещают в языковые формы знания. Это полностью отвечало духу эпохи Возрождения. Новая (в духе Ренессанса) концепция языкового значения получила название **герменевтики** (от греч. *hermeneud* — «разъясняю, толкую, перевожу»). Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер (1768—1834) дает определение герменевтики «как искусства понимания». Акцент в этой теории языкового значения делается не на толковании для другого, а на понимании слова или текста сначала для себя. В языковом значении усматривается диалектика личного и общественного, субъективного и объективного.

Герменевтический метод осмысления языкового значения прежде всего обращается к постигающему человеку, хочет привлечь его внимание к трудностям усвоения чужой мысли. В языковом значении (прежде всего в значении слова) герменевтика выделяет три аспекта:

- а) историко-культурный;
- б) художественный (эстетический);
- в) спекулятивный (замысел, второй план, философская ценность).

В каждом из выделенных аспектов значения запечатлен весь предыдущий и настоящий опыт постижения и понимания мира, в котором живет человек.

На всех словах события печать. Они дались недаром человеку. Читаю: «Век. От века. Вековать. Век доживать. Бог не дал сыну веку. Век заедать, век заживать чужой...» В словах звучит укор, и гнев, и совесть. Нет, не словарь лежит передо мной, А древняя рассыпанная повесть.

С. Я. Маршак

Несмотря на очевидный эмоционально-оценочный субъективизм Шлейермахера, в его учении учитывается и внешний, общественный фактор формирования языкового значения. Слово и текст понимаются им и как продукт личного творчества, и как обобщение всего жизненного опыта человека.

Последователи Шлейермахера не смогли, к сожалению, сохранить в своих трудах идею единства субъективного и объективного в языковом значении.

Так, Вильгельм Дильтей (1833—1911) — видный философ-идеалист и психолог — сводит значение языковых единиц исключительно к субъективно-психологическому содержанию. «В языке, мифах, литературе и искусстве он видел как бы объективированную психическую жизнь». Поэтому, чтобы слово стало понятным говорящему на другом языке, его мало перевести или истолковать текст. Этот человек должен переменить свой «менталитет», т. е. способ своего мышления, приблизить свой опыт к тому опыту, который зафиксирован словом языка-оригинала.

Другой сторонник герменевтики — Мартин Хайдеггер (1889—1976), философ-экзистенциалист, довел учение Шлейермахера до вульгарно-социологического предела. По парадоксальному афоризму этого философа, не человек говорит в языке, а, наоборот, *die Sprache spricht*, т. е. язык говорит в человеке и через человека. Язык фиксирует в себе всю культуру предшествующих поколений, определяет поведение сейчас живущих людей и в значительной степени определяет их будущее. В итоге — человек пассивен по отношению к языку, его не понимает, но должен вслушиваться в него, воспринимать его мудрость. А это — идеализм.

Отбрасывая идеалистический характер осмысления фактов действительности и отдельные крайности, следует признать, что герменевтика как общая наука об истолковании слов, выражений и связанных текстов представляет значительный интерес для современной лингвистики. И вот почему.

1. Слово (ФЕ, текст) вмещает в себе некоторое общественное знание; может содержать также и индивидуальное, личное знание.

2. Слово — не только носитель знания, но и его источник.

3. Усвоение языкового значения происходит или непосредственно, или через посредство герменевта, интерпретатора, «переводчика».

4. Простейший акт толкования — перевод слова (экзегетический способ).

5. Адекватный акт толкования — «вживание» в иную культуру (время), постижение непонятого слова (ФЕ) в контексте свойственной человеку культуры (герменевтический способ).

6. Истолкование языковых значений предполагает три ступени интерпретации:

а) буквальную (или дословную, «прямую»); б) эстетическую (коннотационную, эвфонетическую) и в) высшую (прагматическую, идеологическую, «переносную»).

В XVII-XVIII вв. популярной становится идея конструирования искусственного «идеального» языка, понимаемого прежде всего как «язык смыслов». В ряду работ, посвященных этой теме, следует выделить лингвистическое наследие немецкого философа-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница (1646-1716). Помимо того, что он предвосхитил целый ряд идей, которые были как бы заново открыты уже в близкое к нам время (подразделение знаков на иконические и символические, дихотомия смысла и денотата, выделение «глубинных падежей»), Лейбниц начал разрабатывать на базе естественного языка искусственный язык, который называл рациональным языком, языком универсального исчисления, или языком науки. Этот язык представлялся ему как «алфавит человеческих мыслей», к которому может быть сведено все многообразие понятий. Единицами рационального языка — *термами* — Лейбниц считал такие понятия, как «терм», «существующее», «индивидуум», «я», «этот», «некоторый», «всякий», «красное», «имеющее величину», «мыслящее» и т. п. С помощью таких простых *термов* определялись, или, как принято говорить в лексической семантике, истолковывались сложные. Многие толкования Лейбница вполне удовлетворяют современным критериям строгости описания значений слов. *Смешанное*, например, толкуется как «то, части чего неподобны», а *подобные* есть «те, которые могут замещаться друг другом, сохраняя качество, т. е. качество то же самое». Так, толкование понятия *зависть* у Лейбница оказывается ближе к разложению на семантические элементы, чем дефиниции современных толковых словарей. У Лейбница *зависть* — неприятное ощущение, возникающее из-за того, что кому-то хорошо — не потому, что это нам вредит, а потому, что это является чужим. Ср. с толкованием соответствующего слова в «Словаре русского языка» в 4-х томах (так называемом МАСе): *зависть* — чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого.

В этот же период ученые выходят за рамки изучения отношений между словом и предметом и обращаются к отношению между предложением языка и выражаемой с его помощью мыслью. Появляются универсальные грамматики, основанные на логике того времени. Первой такой грамматикой была «Грамматика общая и рациональная» (*Grammaire generate et raisonnee*), созданная учеными-монахами монастыря Пор-Рояль логиком и философом Антуаном Арно (1612-1694) и лингвистом Клодом Лансло (1612-1695) и впервые изданная без указания имен авторов в 1660 г. Эта грамматика, как и другие появившиеся позднее логические грамматики, показывала, что за многообразием конкретных языков скрываются единые для всех мыслящих существ логические структуры и логические законы. Таким образом,

универсальные грамматики XVII-XVIII вв. заложили научные основы анализа семантики высказывания любого языка с точки зрения выражаемой им мысли, имеющей определенную логическую форму. Следует отметить, что начиная с XIX в. и до середины XX в. плодотворные лингво-семантические идеи и подходы века Просвещения пребывали в забвении и не влияли на развитие семантических исследований. И только начиная с 60-х гг. XX в., когда семантика заняла центральное положение в кругу лингвистических дисциплин, эти идеи обрели как бы вторую жизнь. Появились даже специальные исследования, целью которых было осмыслить наследие прошлого в свете новых задач, вставших перед семантикой и лингвистикой в целом. Так, Ноам Хомский, глава одного из ведущих направлений современной американской лингвистики, посвятил анализу идей универсальной грамматики книгу «Картезианская лингвистика» [Chomsky 1966]. Анна Вежбицкая, выдающийся польско-австралийский ученый, автор семантической теории, суть которой воплощена в построении «языка мысли» (*lingua mentalis*), подчеркивает преемственность своих взглядов по отношению к конструкторам «рациональных языков». Представление семантической структуры предложения в виде логической формы, записанной на одном из логических языков (например, языке исчисления предикатов или языке интенциональной логики) и построение специальных семантических языков для описания значений слов стали общим местом многих современных семантических теорий.

В XIX в. произошел решающий поворот в истории языкознания — утвердилась сравнительно-историческая точка зрения на язык, был открыт сравнительно-исторический метод, где сравнение является средством, а исторический подход к языку — главным принципом исследования. Естественно, в этот период значения слов рассматриваются прежде всего в аспекте тех изменений, которым они подвергаются в ходе истории. Немецкий филолог К. Рейзиг в работе по латинскому языку, вышедшей в 1839 г. [Reisig 1839], писал, что предметом науки, которую он называл семасиологией, должно стать изучение закономерностей изменения значений слов. И действительно, этот период изучения значения слова был периодом исследования исключительно закономерностей изменения лексического значения. Крупный вклад в изучение таких закономерностей внес немецкий младограмматик Герман Пауль (1846-1921), который в своей книге «Принципы истории языка», впервые вышедшей в 1880 г., подробно обсуждает тенденции переносов значений слов, давая им в духе времени психологическое объяснение. Надо сказать, что установленные в то время закономерности изменения значений слов по существу не подверглись сколько-нибудь существенному пересмотру в трудах последующих

поколений семасиологов. Представителем сравнительного языкознания был и Мишель Бреаль, которого мы упоминали выше как автора первого солидного труда, специально посвященного значению слова и как создателя термина «семантика».

2.2.3. Развитие учения о языковом значении в лингвистике XIX века (В. Гумбольдт, А. Потебня)

В XIX в. произошел решающий поворот в истории языкознания — утвердилась сравнительно-историческая точка зрения на язык, был открыт сравнительно-исторический метод, где сравнение является средством, а исторический подход к языку — главным принципом исследования. Естественно, в этот период значения слов рассматриваются прежде всего в аспекте тех изменений, которым они подвергаются в ходе истории. Немецкий филолог К. Рейзиг в работе по латинскому языку, вышедшей в 1839 г. [Reisig 1839], писал, что предметом науки, которую он называл семасиологией, должно стать изучение закономерностей изменения значений слов. И действительно, этот период изучения значения слова был периодом исследования исключительно закономерностей изменения лексического значения. Крупный вклад в изучение таких закономерностей внес немецкий младограмматик Герман Пауль (1846-1921), который в своей книге «Принципы истории языка», впервые вышедшей в 1880 г., подробно обсуждает тенденции переносов значений слов, давая им в духе времени психологическое объяснение. Надо сказать, что установленные в то время закономерности изменения значений слов по существу не подверглись сколько-нибудь существенному пересмотру в трудах последующих поколений семасиологов. Представителем сравнительного языкознания был и Мишель Бреаль, которого мы упоминали выше как автора первого солидного труда, специально посвященного значению слова и как создателя термина «семантика».

Изучение закономерностей семантических изменений не исчерпывается вклад ученых XIX в. в становление семантики.

В. фон Гумбольдт (1767—1835), крупнейший лингвист-теоретик, родоначальник теории языка как науки, рассматривал как основную проблему связи языка и мышления. Он сформулировал и развил так называемую *гипотезу лингвистической относительности*. В. фон Гумбольдт утверждает, что представления человека о мире зависят от того языка, которым он пользуется. Каждый язык, по Гумбольдту, обладает специфической для него внутренней формой, которая проявляется как в членении мира «границами» значений слов, составляющих словарь данного

языка, так и в составе его грамматических категорий. Смысл и конечную цель исследования языка он видел в установлении того мировидения, которое язык своей внутренней формой навязывает мышлению. В XX в. эта идея Гумбольдта будет открыта заново и получит известность как гипотеза Сэпира—Уорфа (гипотеза лингвистической относительности).

Следует отметить, что в своем учении Гумбольдт утверждал мысль о влиянии структуры языка на мышление, о тождестве языка и мировоззрения с преобладающей все же ролью мировоззрения. Неогумбольдтианство последнее замечание своего учителя оставило вне поля своего внимания. Для неогумбольдтианцев реальный мир существует, поскольку он отражен в языке (Лео Вейсгербер). Категорически не соглашаясь с таким пониманием зависимости мышления от языка, прокламируемой Л. Вейсгербером и другими неогумбольдтианцами, неверно было бы вообще игнорировать роль языка в процессе познания. На самом деле язык играет активную роль, воспроизведя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой неизгладимый отпечаток. В сознании появляется таким образом, наряду с логической картиной мира, другая — лингвистическая картина мира, которая варьируется от языка к языку. Мировидение, отраженное в структуре языка, о котором писал Гумбольдт, получило название языковой картины мира, выявление которой станет в конце XX в. одной из главных целей семантического описания языков.

Разные языки по-своему преобразуют итоги мыслительной деятельности, создавая побочные представления, внося «поправки» и даже создавая иллюзии. Однако говорить о господстве языка над человеком недопустимо. Ведь не язык определяет познание и его результаты, а человек, его опыт, о чем так убедительно писал А. А. Потебня (центральный труд «Мысль и язык», 1862 г.).

Хотя сам А. А. Потебня (1835—1891) и причислял себя к ученикам и последователям В. фон Гумбольдта, он пошел значительно дальше своего предшественника: он конкретизировал теорию «внутренней формы» слова, разработал концепцию ближайшего и дальнейшего значения слова.

Звук, звучание слова А. А. Потебня понимал не как посторонний материал для мысли. Восприняв идеи В. Гумбольдта о сущности членораздельного звука и его отношении к значению, он неоднократно подчеркивал, что «звук проникнут мыслью».

Следует заметить, что в учении Потебни о языке и мышлении центральное место принадлежит слову. И не только потому, что слово служит средством создания и объективации мысли, ее преобразования, средством различной формальной организации и выражения «внеязычного

содержания» и т. п. Слово представляется центральным элементом языка еще и потому, что в нем, как в зародыше, эмбрионе, заложены другие более сложные формы мыслительной деятельности человека.

Что же представляет собой связь звука и значения? Как она устанавливается и на чем (как) удерживается?

Связь эту А. Потебня усматривает в механизме представления, апперцепции (*апперцепция* (лат. *ad* — «к» и *perceptio* — «восприятие») — процесс активного воздействия на восприятие ранее накопленного опыта, приобретенных ранее знаний), т. е. в апперцепционном движении понятой и обозначенной предшествующей мысли к пониманию и обозначению мысли последующей, т. е. в материальном и идеальном участии предшествующего слова в образовании последующего.

Иными словами, новое значение формируется и обозначается через отношение а) к предшествующей мысли, которая служит его «смысловым знаком», или внутренней формой, и б) к ее обозначению, выступающему в новом слове как «знак знака», или форма внешняя. Ср.: *память* — «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас впечатлений, который хранится в сознании», и *памятник* — «архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь кого-, чего-либо»; польск. *mydło* — «мыло», *mydlany* — «мыльный» и *mydelniczka* — «мыльница». О подобных случаях, видимо, А. А. Потебня в книге «Из записок по русской грамматике» (М., 1958) писал, что «хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, но он указывает на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение» (Т. 1—2. С. 17). «Внешняя форма слова... не есть звук как материал, но звук, уже сформированный мысл[ью]» (Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 176). Связь между звуком и мыслью, по мнению Потебни, не может быть произвольной, она обусловлена представлением (т. е. значением предшествующего слова в его отношении к последующему).

Связь звука и значения, в понимании Потебни, во многом раскрывается через понятие *внутренней формы*. Сами термины внешняя и внутренняя форма слова отражают процесс образования нового слова и его значения. Формами они названы потому, что показывают, как, каким образом, с помощью чего образуется новая по содержанию мысль и ее обозначение.

Потебня полагал, что внутренняя форма (собственно признак наименования) создается предшествующим значением, используемым как представление (смысловой знак нового значения). Ср. названия ягод и растений, на которых они растут: *черника*, *голубика*, *земляника*; польск. *czarna jagoda*, *borowka czarna*; *poziomki* — «земляника».

Ученый разъяснил сущность внутренней формы следующим образом: «Когда это (предшествующее. — Н. А.) значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма» (Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. С. 96). Наиболее общие дефиниции внутренней формы слова даны в следующих формулировках, раскрывающих механизм связи звука и мысли. 1. Внутренняя форма — это «способ, каким выражается содержание». 2. Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Эти способы и приемы действуют в языке постоянно, несмотря на закономерные изменения, происходящие в семантической структуре слов. «Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, — замечал Потебня, — может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения» (Из записок... Т. 4. С. 95).

Эти и другие определения позволяют в общем истолковать внутреннюю форму как присущий языку прием, порядок выражения и обозначения с помощью слова нового содержания или, иначе, как выработанную модель, языковую формулу (Эстетика... С. 300), по которой с участием предшествующих слов и их значений происходит формирование новых слов и значений. Это языковой механизм, всякий раз приходящий в движение, когда нужно представить, понять и закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, т. е. выразить словом новое содержание.

Такой способ понимания и обозначения нового явления включает образ (представление) и формирующееся с его участием новое значение. Отсюда вытекает вывод: поскольку внутренняя форма — необходимое явление языка, то и образность — постоянное его качество, ибо служит средством представлять и понимать новое. В образных, фигуральных выражениях Потебня видел «существенную необходимость мысли» и заключал, что в языке нет переносных выражений» (Эстетика... С. 119), что «изобразительность пока он (язык. — Н. А.) жив, не оскудевает, потому что она тождественна с понятностью слова» (Из записок... Т. 1—2. С. 54).

«Метафоричность, — считал ученый, — есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» (Эстетика... С. 434). Развитие значения слова, понятия, лежащего в его основе, закономерно ведет к забвению представления, к утрате образа. В результате появляются слова безобразные, в которых звук непосредственно примыкает к мысли, без участия промежуточных мыслительных средств. Оба процесса одинаково закономерны и необходимы в языке. «Все значения в языке по происхождению образны. Каждое может с течением времени стать безобразным. Оба состояния слова, образность и безобразность, равно

естественны» (Зап. по теории словесности, с. 203—204). Ср.: *белка* — «название животного по цвету шкурки очень редкой — белой — разновидности» и *белка* — «(о человеке) — трудолюбивом, неустанно работающем»; *светлица* — «лучшая комната в доме» и *светоч* — первичное «свеча, светильник, факел»; *брусника* (от *бруснь* — «красный»).

Процесс возникновения нового слова и формирование его значения определенным образом отражаются в материальных и идеальных элементах этого слова. Потепня представлял данный процесс в развитии, поэтому выделяет его постоянные и переходные элементы. Внутреннюю форму он понимает как объективный (материальный) элемент слова, подобно форме внешней, поскольку в ее выражении участвует признак, т. е. явно обозначенное отношение к предшествующему слову. Собственно словом выражается только один признак обозначаемого содержания, поскольку он выступает как смысловой знак этого содержания. Таковым он может быть потому, что является общим между значением предшествующего и последующего производного слова, основанием их сравнения. В результате этого сравнения формируется образ обозначаемого явления.

Признак предшествующего слова, используемый как смысловой знак нового значения, Потепня называет представлением. *Представление* есть признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова.

В связи с этим возникают некоторые вопросы. Важнейшими среди них для нас являются следующие:

Во-первых, тождественны ли понятия «внутренняя форма» слова и «образ»?

Во-вторых, в каком отношении к первым двум понятиям находится представление?

А. А. Потепня оставил по обоим вопросам весьма обстоятельные суждения.

Образ, по его мнению, организует значение слова, представляет признаки обозначаемого как определенное единство. Дело в том, что значение слова и в момент его образования не равно внутренней форме; оно содержит множество признаков, по которым можно выделять, классифицировать предметы.

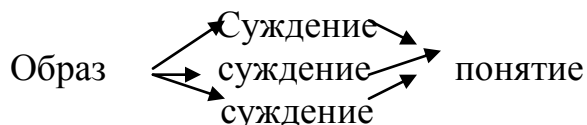
Цельность образа предполагает неиндивидуальность его применения, известную отвлеченность, благодаря чему он может быть применен ко многим предметам. Ср.: образ неуклюжего, огромного существа выражается и словом *медведь*, и словом *слон*.

В учении о внутренней форме Потепня отводил представлению важное место как центральному элементу ее. Представление — это внутренняя

пружина движения мысли от познанного к познаваемому. Представление «служит связью между звуком и значением» (Из записок... Т. 4. С. 96). Представление осуществляет связь между старым и новым, познанным и познаваемым; оно — указание на чувственный образ, обозначаемый словом. Итак, представление — это указание на образ. Вот как интерпретирует эту мысль сам ученый: «Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, в какой чувственный образ входит в сознание; оно — только указание на этот образ, и вне связи с ним «не имеет смысла» (Эстетика... С. 147—148). Иными словами, вне связи с чувственным образом оно равнялось бы чистому признаку — отношению к предшествующему производящему слову. Поэтому в отличие от собственно признака представление двучленно, подобно суждению. Потебня говорит по этому поводу следующее: «Представление возможно только в слове, а потому слово... есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и представления» (Эстетика... С. 147).

Эти и подобные рассуждения Потебни служат основой его концепции значения слова. Собственно значением у Потебни является то, что данное слово (знак) означает и обозначает. И хотя значение слова обусловлено чувственным восприятием, оно (значение) не равно ни ему, ни чувственному образу.

Значение — это мысль о предмете, организованная как внутренней формой (конкретнее — представлением), так и формирующимся или сформированным понятием, указанием на которое служит слово. На этом основании ученый считает возможным существование в слове двух видов содержания, представляющих собой единство, — образ и понятие. Между образом и понятием Потебня устанавливает деривационную (производную) связь. Совокупность суждений, на которые распадается образ, образует понятие.

Процесс формирования понятия опосредствован, по мнению Потебни, словом.

Анализируя взгляды Потебни на понятие с позиций современной теории понятия, следует не только указать на их известную противоречивость и непоследовательность (например, роль понятий в познании: только понятие, — считал ученый, вносит идею законности, необходимости, порядка в тот мир, которым человек окружает себя). Следует

по достоинству оценить развитие Потебней учения о понятии в таких направлениях:

- понимание понятия как вида деятельности;
- связь слова и понятия;
- отражение понятием объективной действительности;
- логическая расчлененность понятия;
- взаимосвязь понятия и суждения;
- понятие как сущностная категория;
- классификационность понятия;
- языковая форма существования понятий.

В этом несомненная заслуга Потебни. Тем более, что в более позднее время немало лингвистов отказались вообще от исследования значения, взаимоотношения языка и мышления, ссылаясь на неуловимость идеального, низкий уровень науки в этой области, на отсутствие достоверных знаний о соответствующих внутримозговых процессах и т. п.

Учение А. А. Потебни о языковом значении не потеряло ценности для современной науки. Многие его идеи в этой сфере нашли свое развитие в трудах известных семасиологов нашего времени.

Среди отечественных ученых конца XIX в., занимавшихся семантикой, следует назвать **Михаила Михайловича Покровского**, который в своей магистерской диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков», защищенной в Московском университете в 1896 г., прокладывал новые пути изучения сложных процессов семантического изменения родственных индоевропейских языков. От зарубежных семантических работ последней четверти XIX в., ставивших своей целью изучение значения изолированного слова, установление причин и классификаций семантических изменений, русская семантическая мысль того времени отличается глубиной теоретического освещения сущности лексического значения и учетом системности семантических связей слов.

2.2.4. Семантика первой половины XX века

В первой половине XX в. приоритеты в изучении языкового значения меняются. Оно становится больше синхронным, нежели историческим.

С появлением структурализма во второй четверти XX в. главным содержанием истории языкознания в течение трех-четырёх десятилетий была борьба за и против значения. Борьбу против учета языкового значения в лингвистических исследованиях повел американский структурализм, или **дескриптивизм**. Глава этого течения Леонард Блумфилд (1887-1949), хотя и не отрицал языковое значение, в отличие от его последователей, но был

убежден, что современная ему лингвистическая наука не может дать такого описания значений языковых форм, которое соответствовало бы строгим критериям научности («Значения не могут быть определены в терминах нашей науки» [Блумфилд 1968]). Изгнание значения из лингвистики проводилось под флагом объективизма, противопоставлявшего себя **ментализму**. Ментализм, свойственный семантике в первый период ее развития, подвергался критике за отсутствие точных, объективных методов исследования значения. Единственным методом описания языковых значений была тогда интроспекция, т. е. самонаблюдение, неизбежно сопряженное с субъективизмом. Критика в адрес субъективизма в семантических исследованиях была справедливой, семантика, действительно, должна была стать эмпирической наукой, однако не следовало «вместе с водой выплескивать ребенка» и изымать из лингвистики то, что является по сути дела стержнем, на котором держится все здание языка.

Конечно, американская лингвистика этого периода не исчерпывалась дескриптивизмом. Выдающийся лингвист XX в. Эдвард Сепир в своей книге «Язык» исходил из того, что язык нельзя оторвать от мышления и рассматривать языковые структуры, абстрагируясь от передаваемого ими значения. В качестве важнейшего признака предложенной им типологической классификации языков он выдвигает семантический, основанный на выделении четырех типов значений, упорядоченных по шкале абстрактности / конкретности.

В европейской лингвистике того же периода, в том числе и в европейских течениях структурализма — **глоссематике Луи Ельмслева** и **Пражском функционализме** — языковое значение не только не игнорировалось, но составляло важнейший объект изучения. В конце концов, сторонники включения семантики в число собственно лингвистических дисциплин одержали убедительную победу. Вот как красочно описывает ее результат В. А. Звегинцев: «...значение... из Золушки, обретавшейся где-то на самых дальних задворках науки о языке... превратилось во владетельную принцессу, которой ныне в меру своих сил приносят знаки своего почтения по сути дела все современные лингвисты» [Звегинцев 1976: 60]. И в США, начиная с 60-х гг., семантика признана в качестве необходимого компонента полного описания языка. В целом нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации.

2.3. Основные направления и школы современной лингвистической семантики

В настоящее время в лингвистической семантике существует целый ряд школ, которые при всем их своеобразии могут быть сведены к двум основным направлениям, которые вслед за английским философом-логиком У. Куайном [Quine 1973] называют сильной (внешней) и слабой (внутренней) семантикой. Оба направления считают предметом семантики значение единиц языка и языковых выражений, но значение при этом понимают по-разному.

Сильная семантика по сути представляет собой вариант логической семантики — раздела логики, рассматривающего интерпретацию языков логических исчислений на той или иной модели мира. Само собой разумеется, что в лингвистике идеи и аппарат формальной логики применяются для интерпретации выражений естественного языка. Следуя логической традиции, представители этого направления считают, что описать значение языкового выражения значит сформулировать правило, по которому можно установить, что соответствует этому выражению в действительном мире или в некоторой модели мира. Не случайно в исследовании проблем сильной семантики естественного языка наравне с лингвистами участвуют логики: У.В.О. Куайн, Д. Дэвидсон, С. Крипке, П. Стросон, З. Вендлер (см., например, статьи этих авторов в XVIII выпуске серийного сборника «Новое в зарубежной лингвистике» [НЗЛ 1982]) и многие другие.

Самой влиятельной школой «сильной» семантики является формальная семантика, основанная на идеях американского логика Ричарда Монтегю [Montague 1974]. Основным объектом изучения в формальной семантике является значение предложения, отождествляемое с условиями его истинности относительно (модели) мира, а основной проблемой — проблема композицион(аль)ности, т. е. выводимости значения предложения из значений составляющих его слов. Хотя адепты формальной семантики утверждают, что это учение не связано непосредственно с той или иной общетеоретической лингвистической парадигмой, но практически оно наиболее естественным образом вписывается в генеративную лингвистику Н. Хомского, обеспечивая семантическую интерпретацию синтаксическим структурам, порождаемым синтаксическим компонентом, который традиционно занимает центральное место в генеративной грамматике. Формальная семантика распространена в основном в США, Германии и Нидерландах. К этой школе принадлежат Д. Льюиз, Б. Парти, Э. Кинен, Х. Камп, И. Хейм и многие другие.

В нашей стране «сильная» семантика представлена прежде всего исследованиями Е. В. Падучевой по теории референции, то есть соотносительности языковых выражений с действительностью (см. в особенности [Падучева 1985]). Существенный вклад в разработку проблем референции внесли также Н.Д.Арутюнова [Арутюнова 1976, 1988], Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1997], [Шмелев 1996], Г. Е. Крейдлин и Е. В. Рахилина [Крейдлин, Рахилина 1981] и некоторые другие лингвисты, участвующие в работе организованного Н.Д.Арутюновой при Институте языкознания РАН постоянно действующего семинара «Логический анализ языка» (см., например, [ЛАЯ 1988, 1989, 1990]).

Слабая семантика считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека. Языковые значения — это не фрагменты мира, а способ их представления, отражения в сознании. Для того чтобы выявить этот способ представления, недоступный непосредственному наблюдению, нет] необходимости обращаться к самому миру или его модели. Достаточно исследовать отношения между языковыми выражениями внутри самого языка, устанавливаемые носителями этого языка без учета соотносительности с действительным или воображаемым миром — синонимию, включение (следование), несовместимость (противоречие), — изучать особенности сочетаемости языковых выражений, ограничения, которые они накладывают на ситуацию их употребления, анализировать их просодические особенности и т. п. Одним словом, достаточно изучать внутриязыковые отношения и ограничения и на этой основе сопоставлять языковым выражениям их семантические репрезентации — выражения на семантическом языке, на основе которых эти отношения и ограничения получали бы естественное объяснение. Таким образом, при данном подходе языковые выражения соотносятся не с миром, а с другими выражениями на том же самом или ином языке: они переводятся на семантический язык, транслируясь в выражения на этом языке, и это оправдывает объединение некоторых школ в рамках данного направления под названием трансляционная семантика [Сааринен 1986].

К указанному направлению можно отнести большинство семантических школ, теорий и конкретных исследований и у нас, и за рубежом. Это и широко известная семантическая теория Дж. Катца и Дж. А. Фодора, рассматривавшаяся в качестве основы для семантического компонента порождающей грамматики; это и исследования по компонентному анализу лексического значения Э. Бендикса, Ю. Найды, М. Бирвиша и других; это и концепция «языка мысли» Анны Вежбицкой.

В рамках данного семантического направления в нашей стране в 60-е гг. при Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ сложилось объединение лингвистов, впоследствии получившее название Московской семантической школы, которая быстро приобрела мировую известность и последователей в других странах. В нее входят Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартемьянов, З. М. Шаляпина и целый ряд других лингвистов, участвовавших в разработке модели «Смысл « \Rightarrow » Текст» (далее МСТ) — интегральной модели языка (см. [Мельчук 1974]) и ее применении к анализу различных языков (об истории разработки МСТ см. [Апресян 1974]). В этой модели, задающей соответствие между смыслом предложения и его формой в направлении от содержания к выражению, смысл (= значение) предложения определяется как инвариант его синонимических преобразований, т. е. то общее, что позволяет носителям языка признавать данное предложение равнозначным целому ряду других предложений. Таким образом, значение выражения определяется не через его соотнесенность с миром, а через его семантические отношения с другими выражениями.

Особое место в рамках направления, трактующего значение как ментальный феномен, занимает **когнитивная семантика**, в основе которой лежат некоторые ключевые идеи когнитивной психологии — раздела психологии, изучающего процессы, связанные с познанием мира человеком: процессы получения, хранения и обработки информации. Главным отличием этого подхода от других является стремление «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из лингвистики» [Lakoff 1990:40]. Возникнув в США, когнитивная семантика приобрела сторонников во многих других странах. Наиболее известными представителями этого течения являются американцы Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, М. Джонсон (см. их работы, опубликованные в сборнике [НЗЛ 1988]), Р. Лангакер, Л. Талми, Р. Дж-экендофф, бельгиец Д. Герартс. В России идеи когнитивной семантики в последнее время развивают в различных областях Р. М. Фрумкина, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский и целый ряд других исследователей (см. сборники статей [Фрумкина 1989, 1990], а также материалы конференции «Категоризация мира: пространство и время» [1997]).

С точки зрения противопоставления широкой и узкой концепции семантики **большинство как сильных, так и слабых семантических школ и теорий исходят из узкой концепции**, изучая и описывая только то в содержании языкового выражения, что закодировано в нем самом и извлекается из него благодаря исключительно знанию языка.

Широкая концепция семантики реализуется в исследованиях, целью которых является моделирование (в том числе компьютерное) реальных процессов вербализации, т. е. словесного оформления мысли, и понимания текстов на естественном языке (часто эти исследования имеют прикладную направленность). Таким образом, многие семантические теории и модели этого типа с полным правом могут быть отнесены к когнитивной семантике. Среди них — процедурная семантика, главным проponentом которой является американец Т. Виноград — создатель робота, понимающего английский язык в объеме, достаточном для выполнения команд человека в простейшем мире кубиков (см. [Виноград 1976, 1983], [Джонсон — Лэрд 1988]); когнитивная теория дискурса У. Чейфа (см. также обзор [Кибрик А. А. 1994]), теория концептуальных зависимостей Р. Шенка и создаваемые на ее базе модели понимания текста. У нас широкая концепция семантики получает воплощение в когнитивной модели текстообразования А. Е. Кибрика [Кибрик А. Е. 1992: Гл. 19], в работах А. С. Нариньяни и руководимой им группы лингвистов из Вычислительного центра РАН в Новосибирске, в трудах Г. С. Цейтина и его коллег из лаборатории математической лингвистики Ленинградского университета, а также в работах И. М. Кобозевой по изучению механизмов вербализации визуальной информации [Кобозева 1995, 1996, 1997], А. А. Кибрика по выявлению факторов выбора средства номинации референта в дискурсе [Кибрик А. А. 1997] и многих других исследованиях.

Различаются современные течения в семантике и с точки зрения степени разработанности в них разных разделов этой дисциплины, выделяемых в соответствии с уровнями языковой структуры. Так, лексическая и грамматическая семантика получают разностороннее развитие в рамках **трансляционной семантики** (особо приятно отметить общепризнанные достижения Московской семантической школы в области лексической и грамматической семантики). Существенно новые результаты в области морфемной и лексической семантики получены в исследованиях когнитивной ориентации. Что же касается семантики предложения, то в рамках указанных направлений она либо не представлена вовсе, либо представлена в существенно урезанном виде — без такого важного измерения, как способ соотнесения предложения с действительностью. В отличие от этого формальная семантика, как и некоторые другие школы сильной семантики, сосредоточены на значении предложения, понимаемом как функция от значений составляющих его слов, и их сильной стороной является глубокая разработка проблем синтаксической семантики. Поскольку сами значения слов при этом не подвергаются анализу, постольку проблематика лексической семантики в работах этого направления не

затрагивается. В последнее время наметилась тенденция к синтезу достижений обоих направлений.

В рамках широкой концепции семантики на базе логико-философской теории речевых актов оформился такой раздел, как **семантика высказывания**. Благодаря разработкам когнитивно ориентированных моделей текстообразования на наших глазах происходит становление нового раздела семантики — **семантики текста**.

3. Структура означаемого (плана содержания) языкового знака

Основное содержание. Означающее (план выражения) и означаемое (план содержания) как две стороны языкового знака. Характер связи между означаемым и означающим: конвенциональность, индексальность, иконичность. Многозначность термина "значение". Таксономия значений. Типы значений, выделяемые по признаку принадлежности означающего к определенному уровню языковой системы: значение слова, морфемы, предложения. Проблема композиционности значения. Типы значений, выделяемые по характеру заключенной в них информации: денотативное, сигнификативное, прагматическое, коммуникативное и синтаксическое значение. Типы значений, выделяемые по степени их обобщенности: актуальное, узуальное, виртуальное значение. Полисемия и омонимия. Типы значений, выделяемые по связи с определенным типом знаний: лингвистическое и энциклопедическое значение.

Текст лекции.

1. Понятие знака и семиозиса

Итак, семантика – лингвистическая дисциплина, изучающую значение (в самом широком понимании) языковых выражений. Однако рассуждать о значении в отрыве от его носителя, практически невозможно. Ведь значение — сущность идеальная, не данная нам в непосредственном наблюдении. Носителем значения выступает **знак** — сущность, в отличие от значения, материально-идеальная. Определить сущность значения, не обращаясь к знаку, невозможно.

То, что в понятии знака сосредоточены главные свойства естественного языка, первым из лингвистов отчетливо сформулировал Фердинанд де Соссюр, определявший человеческий язык как систему знаков.

Естественный язык — лишь одна (хотя и важнейшая) из многих знаковых систем разной степени сложности, среди которых оказываются и система дорожных знаков, и искусственные языки логики, математики,

информатики, программирования, и языка разных видов искусства, и коммуникативные системы животных. Наука, изучающая знаковые системы, называется **семиотикой**. Цель семиотики — создание общей теории знаков во всех их формах и проявлениях. Основные принципы семиотики были сформулированы в явном виде американским ученым Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839-1914), который ввел и самый термин «семиотика». Упорядочение теоретических основ и методов семиотики падает на первую половину XX в. и связано с именем другого американского ученого Чарльза Уильяма Морриса.

Можно дать следующее формальное определение знака, сущность которого может быть определена как:

X понимает и использует Y в качестве представителя Z.

В этой формуле X – тот, кто использует знак (пользователь знака) и участвует в процессе коммуникации. В качестве Y и Z может выступать что угодно, однако Y должен быть воспринимаем, то есть являться материальным объектом, следовательно Y – означающее, а Z – означаемое (ср. знаки: дорожные знаки, деньги, награды, знаки различия в армии, сигналы, жесты и т.д.).

В семиотике процесс, в котором нечто функционирует в качестве знака, называется **семиозисом**. Это динамическая ситуация, включающая набор компонентов. В основе семиозиса лежит намерение лица А (отправитель сообщения) передать лицу Б (получатель сообщения, адресат) сообщение В. Отправитель А выбирает среду Г (канал связи (ср. Интернет, звуковое, письменной сообщение и т.д.), по которой будет передавать сообщение, и код Д. Код Д задает соответствие означающим и означаемым, то есть набор знаков).

Примеры семиозиса столь же разнообразны (ср. идете по полю и собираете букет – не семиозис, а дарите его в знак уважения и любви – знаковый процесс). Семиозис имеет место и тогда, когда говорящий обращается к слушающему с высказыванием, и тогда, когда один лингвист дарит другому отпечаток своей статьи с дарственной надписью, выражая этим свое уважение к коллеге, и тогда, когда один человек, глядя на другого, сокрушенно качает головой, и тогда, когда художник пишет картину.

Частным случаем семиозиса является речевое сообщение (речевой акт), а частным случаем кода – естественный язык.

При всем различии в деталях, приведенные примеры семиозиса, как и все прочие возможные его реализации, имеют единую структуру.

Структуру процесса семиозиса образуют три составляющие:

1) **знаковое средство** — тот объект или явление, которое выступает как знак (означающее по Соссюру);

2) **десигнат** — то, на что указывает знак, что он выражает (означаемое по Соссюру);

3) **интерпретатор**, или пользователь, — тот, кто использует знак.

Исходя из этого в семиотике выделяются и рассматриваются отношения трех типов:

1) **семантическое** — отношение знака к его десигнату;

2) **синтаксическое** — отношение знака к знаку:

а) в системе знаков (например, отношение знака «зеленый свет — движение разрешено» к знаку «красный свет — движение запрещено»);

б) в составе сложного знака (например, отношение друг к другу разных действий в ходе единого ритуала — похоронного, свадебного, вручение верительных грамот, официальный визит);

3) **прагматическое** — отношение знака к интерпретатору.

Эти три типа отношений образуют три измерения семиозиса:

1) семантика, 2) синтактика (ввел Мельчук), 3) прагматика.

Это три аспекта знака, каждый из которых становится объектом специального изучения в рамках трех семиотических дисциплин, именуемых таким же образом.

Ч. Моррис дает следующее семиотическое определение языка: «Язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами» [Моррис 1983: 67-68]. Естественный язык (далее ЕЯ) — частный случай языка в семиотическом смысле. К нему относятся все положения общей теории знаковых систем, но знаки ЕЯ обладают своей спецификой, которую мы рассмотрим позже.

2. Общие свойства языкового знака

Свойства знаков ЕЯ обусловлены теми целями, для которых они используются. В лингвистике вопрос о целях, достижение которых обеспечивается употреблением знаков ЕЯ, рассматривается как вопрос о функциях языка. Языку свойствен целый ряд функций но, по общему мнению, основной является **коммуникативная функция** — функция обеспечения общения, коммуникации между людьми. Коммуникация — это сознательная, намеренная передача информации. Передача информации одним человеком другому устроена сложнее, чем передача физического объекта, скажем, яблока. В акте языковой коммуникации некая идеальная сущность — информация — переходит от одного человека к другому, не непосредственно, а опосредованно, с помощью материальных сущностей — языковых выражений, представляющих собой определенным образом

организованные последовательности звуков или начертаний. Это и означает, что языковые выражения функционируют в процессе коммуникации как знаки.

Языковой знак, как всякий знак, двусторонен: это материально-идеальная единица. По традиции, идущей от Ф. де Соссюра, материальная сторона знака называется означающим (*signifiant*), а идеальная — означаемым (*signifie*). Другая пара терминов для обозначения этих двух сторон знака была предложена Луи Ельмслевом: план выражения и план содержания. Следствием коммуникативной функции языка является такое свойство знака, как наличие устойчивой связи между означающим и означаемым. Если бы одним и тем же означающим не соответствовали всегда одни и те же означаемые, если бы эта связь не была закреплена общественной традицией, то как бы люди могли понять друг друга?

Другое важное свойство знаков естественного языка — это известная сложность их строения, разложимость на более мелкие элементы. Это свойство языка вслед за Андре Мартине называют членением. Свойство расчлененности языковых знаков продиктовано необходимостью передавать с их помощью огромное количество самых разнообразных сообщений, касающихся всех мыслимых сторон человеческой жизни и деятельности. Ведь язык — это универсальное средство общения, не ограниченное какой-либо одной предметной областью или сферой общения. Если семиотическая система обслуживает строго ограниченную сферу общения, то в ней могут использоваться простые, нерасчлененные, глобальные знаки, в которых каждому сообщению соответствует один сигнал. Классический пример элементарной семиотической системы — это сигналы светофора. Система состоит из трех знаков с неразложимыми означающими (красный, зеленый и желтый свет), которым соответствуют целостные сообщения — «стоять», «движение разрешено», «внимание, приготовьтесь к смене сигнала». Для ограниченного числа сообщений удобно пользоваться глобальными сигналами. Но легко представить себе, какие трудности пришлось бы преодолевать человеку, если бы язык состоял только из глобальных, неразложимых знаков. Ему понадобилась бы фантастическая память, ибо количество сообщений, подлежащих передаче, практически бесконечно. Кроме того, общение при помощи глобальных сигналов сталкивается с еще одним препятствием — ограниченными возможностями передачи и приема звуковой информации. Нетрудно распознать несколько десятков звуковых единиц (фонем), которыми обычно располагает язык. Но если число их возрастет до миллионов, различия между ними станут практически неуловимыми для слуха человека и невозпроизводимыми с помощью его речевого аппарата. Следовательно, членение языка, разложимость языковых

выражений на более мелкие элементы, оправдано принципом экономии, является следствием этого принципа: с одной стороны оно мотивируется экономией памяти, с другой стороны — экономией усилий по производству высказываний. Членение дает возможность с помощью нескольких десятков фонем создать значительное количество означающих, на основе ограниченного набора знаков-морфем строить огромное количество знаков-слов, из которых в свою очередь можно построить бесконечное множество знаков-предложений для выражения той многообразной информации, которой люди обмениваются в ходе своей деятельности.

Сложные семиотические системы, к которым принадлежит язык человека, отличаются от простых семиотических систем тем, что в них действует принцип двойного членения. Первое членение соответствует разложению сложных знаков на составляющие их простые, что позволяет представить сложный знак в виде последовательности более простых знаков. Так, в сложном знаке, каким в русском языке является предложение. Движение разрешено, имеющее свой план выражения и свой план содержания, выделяются два более простых знака — слово движение и слово *разрешено*, — каждый из которых имеет свои означаемое и означающее. Этот тип членения свойствен не только естественному языку, его используют многие семиотические системы, например, система знаков: дорожного движения, язык арифметики (ср. сложный знак $2 + 2 = 4$, разложимый на простые знаки 2, +, 2, = и 4). Поскольку это членение применяется к знакам и дает в результате тоже знаки, оно может быть названо знаковым.

Второе членение применяется уже не к знаку в целом, а к каждой из двух его сторон в отдельности и соответствует разложению; означающего и означаемого знака на составляющие их элементарные различительные единицы. Эти единицы, которые уже, в отличие от знаков, являются одноплановыми, односторонними сущностями Л. Ельмслев предложил называть **фигурами**. В качестве фигур плана выражения выступают фонемы. Фонемы не имеют собственного означаемого, но обладают различительной силой, благодаря которой они дифференцируют знаковые единицы — морфемы и слова. План содержания, или означаемое любого знака также может быть представлен в виде совокупности фигур, которые называются **семантическими компонентами** (существует целый ряд терминов для обозначения таких единиц: семы, элементарные смыслы, семантические признаки, семантические примитивы и т. п.). Разложимость означаемого на фигуры можно проиллюстрировать следующим примером. Пусть у нас имеются множество слов: 1) отец; 2) мать; 3) сын; 4) дочь; 5) дядя; 6) тетя; 7) племянник, 8) племянница. Сопоставляя означаемые слов 1, 3, 5 и 7 с означаемыми слов 2, 4, 6 и 8 соответственно, получаем

различающие их фигуры «лицо мужского пола» / «лицо женского пола». Сопоставляя означаемые слов 1, 2, 3 и 4 с означаемыми 5, 6, 7 и 8 соответственно, выделяем различающие их фигуры «прямая генетическая связь» / «непрямая генетическая связь». Сопоставляя, наконец, означаемые 1, 2, 5 и 6 с 3, 4, 7 и 8 соответственно, получаем фигуры «предшествующее поколение» / «последующее поколение». Теперь означаемое любого элемента в пределах фиксированной нами области анализа, т. е. восьми терминов родства, может быть представлено в виде набора из трех фигур — одноплановых семантических единиц, не имеющих собственного означаемого. Так, означаемое слова отец членится на фигуры «лицо мужского пола», «прямая генетическая связь» и «предшествующее поколение», а означаемое слова племянница — на фигуры «лицо женского пола», «непрямая генетическая связь» и «последующее поколение».

Итак, мы рассмотрели два положения о свойствах знаков ЕЯ, которые в силу их интуитивной очевидности иногда называют **аксиомами языкового знака**. Это аксиома устойчивой связи означаемого и означаемого в знаке и аксиома структурности знака (т. е. одновременной цельности и расчлененности). Рассмотрим еще одно положение, которое также можно считать аксиомой — положение об асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака. Внимание к этому свойству знаков ЕЯ привлек Сергей Осипович Карцевский, посвятивший ему свою знаменитую статью «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (см. в [Звегинцев 1965]). Речь идет об отсутствии одно-однозначного соответствия между означаемыми и означаемыми: о том, что одно и то же означаемое в разных случаях своего употребления может служить для передачи разных означаемых и наоборот: одно и то же означаемое в разных условиях употребления может быть представлено разными означаемыми.

Примеры тождества означаемых при различии означаемых обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, начиная с минимальных знаков — морфем и кончая предложениями. Так, русская приставка *за-* может означать и начало действия (ср. запеть) и местонахождение (ср. Заволжье), английская флексия *-s* обозначает и множественное число существительного, и третье лицо единственного числа глагола. Русский глагол *топить* имеет три означаемых: 'делать так, чтобы утонул' (ср. топить корабли) и 'делать так, чтобы стал жидким' (ср. топить лед) и 'делать так, чтобы давал тепло' (ср. топить печку). У предложения *Он не должен этого делать* два означаемых: 'ему не обязательно это делать' и 'ему нельзя этого делать'. Совпадение означаемых у означаемых, которые не осознаются как связанные между собой, называется омонимией. В такой ситуации принято выделять столько знаков — омонимов, сколько несвязанных между собой

означаемых есть у некоторого означающего. Так, считается, что в лексиконе русского языка имеется три разных словесных знака — омонима топить. В инвентаре грамматических морфем английского языка одинаково звучащие показатели множественного числа существительных и третьего лица единственного числа глаголов также рассматриваются как две разные омонимичные морфемы. Совпадение означающих у означаемых, которые так или иначе связаны друг с другом, трактуется как многозначность единого знака, или полисемия. Так, например, считается, что в сочетаниях *выйти из леса*, *выйти из народа*, *выйти из затруднительного положения*, в которых означаемому *выйти* соответствуют разные означающие (грубо говоря, 'движение', 'происхождение' и 'изменение ситуации'), представлен один и тот же многозначный, или полисемичный глагол, поскольку все три означаема связаны общей идеей перехода из одного положения в другое.

Тождество означаемых при различии означающих, называемое синонимией, также представлено на всех уровнях системы языка. Приставке за-, означающей начало, синонимична (заплакать), например, приставка по- (ср. побежать). Слова, связанные отношением синонимии, называются синонимами. Синонимами являются, например, *бегемот* и *гиппопот.*, Означающим закадычный и заклятый в сочетаниях *закадычный друг* и *заклятый враг* соответствует одно и то же означаемое — 'высокая степень интенсивности', и тем самым они могут рассматриваться как синонимы.

Такая асимметрия, или непараллельность означаемого и означающего вызываются сдвигами, которые неизбежно возникают при употреблении знака применительно к конкретной ситуации. С. О. Карцевский писал, что означающее и означаемое «постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский 1965: 89]. **Асимметрия двух сторон знака — это не недостаток, как может показаться на первый взгляд, а достоинство естественного языка.** «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [там же: 89].

Может показаться, что «асимметрический дуализм» языкового знака противоречит другому его свойству — устойчивости связи означаемого и означающего. Однако, если под устойчивостью понимать не категорическую незыблемость, а относительное постоянство, то противоречие снимается. Действительно,; «природа лингвистического знака должна быть неизменной

и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации», знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [там же: 85].

3. О характере связи между означаемым и означающим в знаке

Вопрос о характере связи между означаемым и означающим в языке в европейской научной традиции обсуждается со времен античности в терминах противопоставления условной и природной связи между означаемым и означающим. В наиболее категорической форме тезис об условности связи между означаемым и означающим сформулировал Ф. де Соссюр, назвав это принципом произвольности знака. Обычный способ доказательства условности, или произвольности связи между означающим и означаемым в языковом знаке — указание на тот неоспоримый факт, что одному и тому же означаемому в разных языках соответствуют совсем не похожие друг на друга означающие, и наоборот, что одна и та же последовательность звуков в разных языках служит планом выражения для совсем не похожих друг на друга означаемых (например, означающему [jama] в русском языке соответствует означаемое 'яма', а в японском — 'гора'). Однако связь между звуковым составом и значением слова не исчерпывает собой всех возможных типов связи между означаемым и означающим в языке. Более полную картину возможных связей между двумя сторонами знака дает опять-таки семиотика.

Ч. Пирс построил **классификацию знаков**, основанную именно на различии во взаимоотношениях между означаемым и означающим знака. Он выделил 3 типа знаков: иконические, индексы и символы.

Иконические знаки (иконы) — это знаки, чья форма и содержание сходны качественно или структурно. Например, батальное полотно, план сражения, если считать их содержанием само сражение. Т.о., иконы характеризуются фактическим подобием означаемого и означающего.

Среди иконических знаков Пирс выделил два подкласса — образы и диаграммы. В образах сходство означающего и означаемого затрагивает то, что Пирс назвал «простыми качествами» означаемого, т. е. форму, цвет, манеру двигаться, издавать звуки и т. п. Примерами **образов** могут служить разного рода реалистические изображения (например, изображение морды собаки на воротах, означающее наличие собаки за воротами), некоторые жесты в танцах (например, характерное перебирание руками, изображающее лазанье по канату в «матросском» танце «Яблочко»); изобразительные фрагменты в музыкальных произведениях (например, имитация птичьего пения, звука волн, набегающих на берег, автомобильных гудков и т. п.). В знаках типа **диаграмм** означающее обнаруживает сходство со своим

означаемым только в соотношении их частей. Пример знаков-диаграмм — это прежде всего диаграммы в обычном смысле — геометрические фигуры, выражающие количественное соотношение каких-либо величин, например, процентного содержания витамина С в разных пищевых продуктах.

Индексы — это знаки, основанные на отношении смежности между означаемым и означающим в реальной действительности. Так, дым — индекс огня, жар — индекс заболевания, покраснение кожи лица — индекс чувства неловкости, стыда.

Тождество означаемых при различии означающих, называемое нонимией, также представлено на всех уровнях системы языка. Приставке за-, означающей начало, синонимична, например, приставка по (ср. побежать). Слова, связанные отношением синонимии, называются синонимами. Синонимами являются, например, бегемот и гиппопотам. Означающим закадычный и заклятый в сочетаниях закадычный друг и заклятый враг соответствует одно и то же означаемое — 'высокая степень интенсивности', и тем самым они могут рассматриваться как синонимы. Такая асимметрия, или непараллельность означаемого и означающего вызывается сдвигами, которые неизбежно возникают при употреблении знака применительно к конкретной ситуации. С. О. Карцевский писал, что означающее и означаемое «постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности". Каждое "выходит" из рамок, назначенных партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями! нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский 1965: 89]. Асимметрия двух сторон знака — это не недостаток, как может показаться на первый взгляд, а достоинство естественного языка, «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [там же: 89]. Действительно, «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации», знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря не-подвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [там же: 85].

Символы конституируются, создаются правилами, конвенциями и не зависят от наличия и отсутствия какого-либо сходства или физической смежности между означаемым и означающим. Примеры знаков-символов — сигналы светофора: трем цветам произвольно приписаны три значения. Другой пример знак этого типа — некоторые значки полезных ископаемых на географической карте, математические символы вроде буквы греческого

алфавита[^] обозначающей отношение диаметра к длине окружности, или значок обозначающий операцию извлечения квадратного корня.

Знаки иконические и индексальные в совокупности иногда называют естественными, или природными, поскольку в них связь между означаемым и означаемым представляется естественной, произвольно мотивированной природой обеих сторон знака. Символы же называют условными, конвенциональными знаками.

Разделив все знаки на три класса, Пирс вместе с тем подчеркивает, что принадлежность знака к одному из указанных классов носит не абсолютный, а относительный характер. То есть в знаке могут одновременно наличествовать и черты иконичности, и черты индексальности, и черты условности, и отнесение его к одному из трех указанных классов зависит от того, какие черты в нем преобладают. По мнению Пирса, самые совершенные из знаков — те, в которых иконические, индексальные и символические признаки смешаны по возможности в равных отношениях. Примером такого знака может служить эмблема всемирного фестиваля молодежи и студентов, имеющая вид цветка с пятью лепестками разного цвета. Иконическими аспектами данного знака являются, во-первых, количество лепестков, «диаграмматически» отражающее количество обитаемых континентов, а во-вторых, — цвета некоторых из лепестков, «образно» отражающие цвет кожи коренного населения Африки и Азии. Символической является избранная форма эмблемы установленная по соглашению и явно условные цвета лепестков, символизирующих Европу, Америку и Австралию. Типичный пример сочетания в знаке образности, диаграмматичности и условности — древнеегипетские рельефы.

Если с учетом семиотической классификации знаков взглянуть на знаки естественного языка, то можно увидеть, что принцип произвольности языкового знака не всеобъемлющ: в языке есть место не только символам, но и индексам и иконическим знакам.

Типичными индексальными знаками (индексами) в естественном языке являются дейктические местоимения, которые содержат в своем значении отсылку к участникам данного акта речи или к речевой ситуации. Это личные местоимения 1-го лица, отсылающие к говорящему (например, я, мы), и 2-го лица, отсылающие к слушающему (например, ты и де) а также указательные местоимения, отсылающие к объекту, на который направлен указательный жест говорящего[^] иногда мысленный[^], типа русских вот тот, вот этот, латинских *hic* 'этот, близкий ко мне', *iste* 'этот, близкий к тебе', *ille* 'тот, далекий', латинских *tu* 'тот, на одном уровне со мной', *superius* 'тот, выше меня', *inferius* 'тот, ниже меня'. Смежность означающего и означаемого этих знаков проявляется в том, что в каждом акте произнесения их означающих в ситуации речевого общения актуально присутствует их означаемое, а

точнее говоря, сущность, с которой соотносится данное означающее — референт (см. раздел 1.2.3).

Иконические знаки в естественном языке отнюдь не редкое явление. Знаками, которые Ч. Пирс называл образами, являются так называемые звукоизобразительные слова. В этих словах прослеживается неслучайная, мотивированная связь между их фонемным составом и тем, что Ч. Пирс называл простыми свойствами означаемого. Непроизвольная связь фонем слова со звуковым (акустическим) признаком того предмета / явления, которое это слово обозначает, называется звукоподражанием (ономатопеей). Звукоподражание можно рассматривать как имитацию звучаний окружающего нас мира. Примеры звукоподражательных слов: (тук-тук, бз-з-з, англ. quack-quack и т. п.). Если фонемами слова «изображается» незвуковой (неакустический) признак означаемого, то такое явление называется звуковым, или фонетическим символизмом, или короче — звукосимволизмом. Звукосимволические слова «изображают» различные виды движения (ср., например, англ. totter 'идти неверной походкой; трястись, шататься', кхмер, [totret-totrout] 'ходить, пошатываясь'), форму (ср., напр., лат. bulla 'водяной пузырь' и индонезийск. bulat 'круглый'), световые явления, свойства поверхности объектов, физиологическое и эмоциональное состояние человека и ряд других признаков, произвольная связь которых со звучанием основана на психофизиологических механизмах синестезии (связи между впечатлениями, поступающими от разных органов чувств) и кинематики (непроизвольных движениях мышц, сопровождающих ощущения и эмоции).

Не сразу было осознано, что в языках широко представлен и другой вид иконических знаков — знаки-диаграммы. Р. О. Якобсон приводил в подтверждение этого тезиса следующие примеры: форма множественного числа существительных в тех языках, где есть грамматическая категория числа, как правило, оказывается длиннее формы единственного числа, и тем самым количественное соотношение элементов означающего у форм единственного и множественного числа служит «диаграммой» количественного соотношения их означаемых; порядок простых предложений, описывающих последовательность событий (как знаменитое Veni, vidi, vici «Пришел, увидел, победил» Юлия Цезаря) соответствует очередности самих событий.

В современной лингвистике свойство иконичности (в ее диаграмматическом варианте) связывается уже не столько с отдельными знаками, сколько со структурой языка в целом и различными ее аспектами. Иконичность при этом понимается как соответствие структуры языка той концептуальной структуре действительного мира, которая сформировалась в сознании человека на основе данных опыта. В рамках это общего понятия

выделяются такие его разновидности, как изоморфизм и иконическая мотивированность (ср. [Haiman 1985]).

Изоморфизм — это соответствие частей означаемого и означающей. Изоморфизм языка и модели мира в сознании человека, по Джону ; ману, сводится к принципу «одна форма — одно значение». На первый взгляд, этот принцип находится в кричащем противоречии с принципом асимметричного дуализма языкового знака (см. раздел 1.2.1), констатирующем отсутствие взаимнооднозначного соответствия между формами и значениями. Однако, если трактовать принцип «одна форма — одно значение» как некоторое идеальное состояние, к которому стремится языковая система, то это противоречие снимается. Действительно, абсолютная синонимия (полное тождество значений при различии форм) явление крайне редкое. Если в какой-то момент, например, благодаря заимствованию слова из другого языка, в языке образуются две конкурирующие формы для выражения одного и того же значения, со временем одна из них приобретает значение, хотя бы минимально отличающееся от исходного, и абсолютная синонимия уступает место квазисинонимии — близости, но не тождественности значений. Другое явление, подрывающее однозначность соответствия формы и содержания в языке — омономия — может также не приниматься в расчет, поскольку такого рода совпадение форм при отсутствии какой-либо связи между значениями (ср. три русских омонима коса или английские омофоны «два», то «по направлению к» и то «тоже») — явление случайное и тоже редкое, как абсолютная синонимия. Что же касается полисемии, она не будет противоречить принципу «одна форма — одно значение» если под «значением» некоторой языковой формы понимать некую абстрактную идею, инвариантное содержание, присутствующее в близких, но все же различающихся между собой значениях многозначного слова. Так у английского предлога to выделяют значения направления движется (Jim drove to Chicago «Джим (у)ехал в Чикаго»), получателя в ситуации связанных с обладанием (Jim gave the book to Mary «Джим дал книгу Мэри») и адресата речевого действия (Jim told the story to his wife «Джим рассказ историю своей жене»). Связанность между собой этих значений очевидна: схема передачи физического объекта от одного лица к другому, имеющаяся в сознании человека, используется и для осмысления передач информации (идеального объекта) в ходе речевого действия (такая связь значений называется метафорической, см. раздел Н.8.3); с другой стороны, в сознании имеется тесная ассоциативная связь — связь по смежности между передачей объекта и изменением его местоположения (такая связь значений называется метонимической, см. раздел Н.8.3). Неслучайное рассмотрение связей между значениями доказывается тем, что они встречаются во многих других языках, например одинаковое кодирование

ние ролей получателя и адресата наблюдается и в русском языке, где обе эти роли выражаются морфемой дательного падежа (ср. дал Ивану сказал Ивану), роли получателя и конечного пункта движения кодируются во французском языке одним предлогом *a* (ср. *alter a la gare* «идти на вокзал», *donner a Pierre* «давать Пьеру»). Таким образом, полисемия по сути своей иконична: единство формы отражает сходство значений.

Иконическая мотивированность — это соответствие отношений между частями языковой структуры и частями концептуальной структуры, отражающей действительность. Проявления иконической мотивированности многообразны. Так, противопоставление простых знаков сложным знакам того же уровня языка может рассматриваться как отражение простоты / сложности соответствующих им в данном языке понятий. Если, например, в русском языке понятие 'пар' выражается простым словом пар, а понятие 'паровоз' — сложным словом паровоз, то согласно гипотезе об иконичности языка это означает, что для носителей русского языка первое понятие в некотором смысле является более элементарным, чем второе, исходным по отношению к нему. Типологическое исследование естественных языковых классификаций растений (этноботаника) и животных (этнозоология), проведенное Б. Берлином, показало, что обычно в них четко выделяется три уровня, которые он назвал уровнем «форм живого» (*life-form*), родовым уровнем и видовым уровнем. При этом во всех языках элементы родового уровня (например, дуб, сосна, кедр и клен) обозначаются простыми словами (ср. в английском языке *oak, pine, cedar, maple*) а элементы видового уровня — словосочетаниями, состоящими из имени родового уровня и определения к нему (ср. в английском языке *tan oak, blue oak, sugar pine, incense cedar, red cedar, bigleaf maple, vine maple*). Совершенно независимо психолог Э. Рош показала, что в сознании человека существуют понятия, образующие «базовый уровень» категоризации объектов действительности, соответствующий родовому уровню Б. Берлина, и что понятия более низкого уровня (видового по Берлину) устроены сложнее. Таким образом, оказывается, что структура означающего иконически мотивирована структурой означаемого: простому, базовому понятию соответствует простое (однословное) выражение, а более сложному, производному понятию — более сложное (неоднословное). Если окажется, что некоторые понятия выражаются простыми знаками во всех языках мира, то можно предположить, что именно эти понятия суть элементарные конструкторы человеческого сознания, образующие «язык мысли». Попытка выявить такие понятия (семантические примитивы) в рамках одного языка, а затем обосновать адекватность проведенного анализа данными типологических исследований предпринята А. Вежбицкой и ее последователями (см. [Goddard, Wierzbicka 1994]).

Иконическая мотивированность языковой структуры проявляется также в том, что чем более тесно связаны между собой означаемые, тем теснее окажется связь между их означающими в составе сложного языкового знака, будь то слово или предложение.

4. Значения «значения»

До сих пор значение языкового знака понималось нами максимально широко — как вся та информация, которая передается с его помощью. При таком понимании термин «значение» синонимичен терминам «означаемое» (Ф. де Соссюр) и «план содержания» (Л. Ельмслев). Однако далеко не все, кто писал и пишет о семантике, понимают «значение» таким образом. Термин «значение», один из главных в семантике, печально известен своей неоднозначностью. У этого обстоятельства существуют объективные причины, кроющиеся в сложности структуры даже самого простого языкового знака. Дело в том, что в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере четыре типа сущностей:

- 1) категории действительного мира;
- 2) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- 3) прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- 4) отношения между знаками — единицами языковой системы.

Соответственно, как правило, знак содержит в себе четыре разных типа информации: о каком-то фрагменте мира; о том, в какой форме этот фрагмент мира отражен в сознании человека; о том, в каких условиях этот знак должен использоваться; о том, как он связан с другими знаками. Можно, как мы это делали до сих пор и будем делать далее, всю эту разноаспектную информацию называть «значением» знака, при этом имея специальные термины, для обозначения того или иного вида этой информации. Но встречается и использование термина «значение» для обозначения только одного из типов информации, содержащейся в знаке.

Философы и лингвисты, размышлявшие над феноменом знака нередко использовали для репрезентации (представления) его структурно-геометрические фигуры. Эти фигуры можно рассматривать как естественные графические модели знака.

Первой получившей широкое распространение графической моделью знака был так называемый «семантический треугольник», или «угольник отнесенности» Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса, который появился в их работе «Значение значения», опубликованной в 1923 г.

Этот треугольник отображает известное уже со времен средневековья грамматическое положение о том, что форма языкового знака выражает | обозначает

«вещь» посредством «понятия», ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке.

Уже с помощью такой упрощенной схемы, игнорирующей ряд семантических факторов, можно рассмотреть некоторые из узких пониманий «значения». Одни из них называются субстанциональными, поскольку «значение» в них выступает как материальная или идеальная субстанция, другие — реляционными, поскольку «значение» трактуется как отношение (между субстанциями).

При субстанциональном понимании значение отождествляется с одной из вершин семантического треугольника, репрезентирующей форму, передаваемую знаком, т. е. с понятием или с референтом (предметом). Такой вариант семантического треугольника у Г. Фреге применительно к слову (см. рис. 2).

В книге Дж. Лайонза [Лайонз 1977: 428] видим очень похожую схему (см. рис. 3) с той разницей, что слово вынесено за пределы треугольника, что более точно отражает природу слова как знака (двухсторонней сущности).

Как мы видим, и Г. Фреге, и Дж. Лайонз, отождествляют значение (слова) с понятием, продолжая средневековую традицию, согласно которой значением (лат. *significatum*) языковой формы в данном языке является понятие, связанное с ней в умах говорящих^{2*}.

2' При широком понимании значения понятие, выражаемое словом, рассматривается как важнейший, но не единственный тип передаваемой с его помощью информации, который называется сигнификативным значением, или сокращенно — сигнификатом.

Если взять терминологию философа и логика Г. Фреге, многие идеи которого оказали большое влияние на развитие лингвистической семантики в XX в., то он называл «значением» (нем. *Bedeutung*) другую вершину треугольника, относящуюся к внеязыковой действительности, а не к ее отражению в сознании говорящего — вершину, которую в современной лингвистической семантике обозначают термином «денотат» [Frege 1892]3):

Отождествление значения языкового выражения с той внеязыковой сущностью, которую оно обозначает, характерно для логической семантики. Целый ряд направлений современной американской и европейской лингвистической семантики, разделяющих взгляд Г. Монтегю на язык, понимают значение в духе Фреге и в соответствии с ним.

Реляционное понимание значения встречается реже, чем субстанциональное. Так понимал значение, например, известный семасист С. Ульман, который определял «значение» (англ. *meaning*) как отношений имени к смыслу:

Итак, рассмотренные выше треугольники, как мы видим, игнорирует два важных аспекта языкового знака: в них не отражена его синтактика и прагматика.

Синтактика знака в семиотике понимается широко: как отношение знака к другим знакам и в системе языка (т. е. в парадигматике) и в тексте (т.е. в синтагматике). Попытку учесть синтактику (в ее парадигматическом варианте) в графической модели знака представляет треугольник, с помощью которого В. А. Звегинцев в книге «Семасиология» [Звегинцев 1957] разъясняет понятие лексического значения (см. рис. 6). Мы будем подробно рассматривать это понятие ниже (в разделе II.2), а пока достаточно для наших целей понимать под последним просто значение слова. Эта схема показывает, что значение слова определяется (обуславливается) соотношенностью не только с обозначаемым предметом и понятием о нем, но и соотношенностью данного слова с другими словами в системе языка:

Реляционное понимание «значения» в семантике не привилось а субстанциональное подверглось дальнейшей разработке.

Можно ли считать рассмотренные выше и им подобные варианты семантического треугольника адекватными моделями языкового знака? Очевидно, что нет, поскольку из трех аспектов знака, выделяемых в классической семиотике (синтактика, семантика, прагматика) — он могут быть соотношены только с одним — семантическим. При этом следует отметить, что любой семантический треугольник существенно уточняет представление о семантическом измерении семиозиса, демонстрируя, что оно, по сути, содержит в себе два отдельных измерения отношения языкового выражения к сознанию, мышлению (ср. вершин «понятие» / «смысл» / «значение»), и отношение языкового выражения к действительности (ср. вершину «референт» / «предмет»). Известно предложение философа Г. Клауса ввести в семиотику соответствующее уточнение, введя вместо нерасчлененного семантического измерения два: семантическое (определяемое как отношение языкового выражения к отображению объекта в сознании носителя языка) и сигматическое (отношение языкового выражения к самим объектам). Соответственно количество аспектов знака увеличится с трех до четырех: 1) синтактика; 2) семантика; 3) сигматика; 4) прагматика. Однако новый термин не получил широкого распространения, поскольку для обозначения отношения языкового выражения к объектам внеязыковой действительности к тому времени уже утвердился термин «референция», или «предметотнесенность».

Эта схема, конечно, неполно отражает синтактику словесного знака, так как она учитывает только его парадигматические отношения с другими

знаками, но не синтагматические. Достоинством этой схемы, однако, является то, что в ней значение слова не отождествляется с понятием.

Многие ученые в настоящее время признают необходимым различать языковое значение слова и связанное с этим словом мыслительное одержание — понятие. И языковое значение, и понятие являются ка-мышления, или, иначе говоря, ментальными феноменами. другое — суть отражения действительности в нашем сознании, это разные виды отражения. Если понятие — это полное (на данном ^вне познания) отражение в сознании признаков и свойств некоторой егории объектов или явлений действительности, то языковое значение входяИРУеТ лишь их Различительные черты. Так, в значение слова река стве Т ТЭКИе признаки понятия о реке, как 'водоем', 'незамкнутый', 'есте-кото Н°Г° происхождения', 'достаточно большого размера' на основании РЫХ объект, именуемый рекой отличается от объектов, именуемых каналом, морем, прудом, озером, ручьем. Понятие же о реке включа помимо данных и другие признаки, например, 'питающийся за счет : верхностного и подземного стока с их бассейнов'. Можно сказать, значению слова соответствует «наивное», обиходное понятие о предмете в отличие от научного. Существенно, что признаки предмета, которв входят в значение некоторого слова, могут не совпадать с признаками, і ставляющими соответствующее научное понятие. Классический прид расхождения между языковым значением, в котором воплощено наивнв представление о вещи, и соответствующим ему научным понятием прив Л. В. Щерба: «Научное представление о прямой (линии) фиксируется в і определении, которое дает геометрия: "Прямая есть кратчайшее расе ние между двумя точками". Но выражение прямая линия в литературно языке имеет значение, не совпадающее с этим научным представлением Прямой мы называет в быту линию, которая не уклоняется ни впр во, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)». С другой стороны, как увидим ниже (см. раздел II.3) значение слова включает в себя не тол» ко признаки соответствующего «наивного» понятия, но и другие тиг информации (денотативную, прагматическую и синтаксическую). Жела отразить в графической модели знака нетождественность языкового зн чения и понятия (как научного, так и наивного), Л. А. Новиков заменяв треугольник трапецией [Новиков 1982: 91].

Итак, с помощью графических моделей знака мы продемонстрировали встречающиеся в работах по семантике употребления термн «значение» для обозначения того или иного из аспектов информаг содержащейся в языковом знаке. Естественный способ избежать возни кающей при этом путаницы состоит в том, чтобы присвоить каждого из аспектов такой информации

особое наименование, отличное от «значения», а термин «значение» использовать как синоним терминов «означаемое» и «план содержания».

4. Лексико-семантические единицы и методы их выделения.

Основное содержание. Лексическое и грамматическое значение. Лексико-семантические единицы, выделяемые по характеру информации (= компоненты лексико-семантической информации). Сигнификат (интенционал) слова. (Виртуальный) денотат слова как его экстенционал и/или прототип. Актуальный денотат (референт) слова. Прагматическая информация: отношение говорящего к обозначаемому и адресату; функции слова в речи; коннотации. Синтаксическая информация: семантические роли, приписываемые данной лексеме и сочетаемостные требования к их заполнению. Элементарные семантические единицы (семы, атомы смысла, семантические примитивы и т.п.) и компонентный анализ лексического значения как метод их выделения.

Текст лекции.

1. Значение слова. Лексическое и грамматическое значение. Компоненты значения.

Лексическое значение слова – содержание слова, отражающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.п. Лексическое значение – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение носит обобщенный и обобщающий характер. Формирование лексического значения играет первостепенную роль в познавательной деятельности человека. Оно формируется в процессе активной деятельности говорящих.

В лингвистике лексическое значение сопоставляется с философской категорией понятия. При этом одни ученые отождествляют понятие с лексическим значением, другие отрицают эту связь. Между тем понятие и лексическое значение, относясь к однопорядковым категориям мышления, не совпадают. Соотношение между ними различно в разных отношениях: значение шире понятия, т.к. включает в себя оценочный и ряд других компонентов; значение уже понятия компонент в том смысле, что включает различительные признаки объектов, а понятия охватывают их более глубокие и существенные свойства. Значение соотносится с ближайшими

(формальными, бытовыми) понятиями, отличающимися от содержательных, научных понятий. Совмещение понятия и лексического значения в последнем случае отмечается лишь у терминов; значение определяется как материал для оформления понятий, а понятие может интерпретироваться как конденсация лексического значения (бытовых понятий). Понятие, лежащее в основе лексического значения, характеризуется нечеткостью, размытостью границ: оно имеет четкое ядро, благодаря чему обеспечивается устойчивость лексического значения и взаимопонимание, и нечеткую периферию. Благодаря этой «размытости» понятия лексического значения слова может «растягиваться», т.е. увеличиваться в охвате, что позволяет использовать слова для обозначения предметов, не имеющих специальных обозначений в данный момент. Вместе с тем нечеткость и подвижность имеют свои границы, определяемые узуальными ассоциациями, внутренней формой слова, лексической парадигматикой и другими факторами. В лексическом значении отражаются диалектическое соотношение общего и особенного, устойчивого и подвижного. Подвижность лексического значения позволяет использовать слово как для наименования новых объектов и является одним из факторов художественного словесного творчества. С подвижностью слова связана тенденция к многозначности.

Лексическое значение слова – сложная структура, определяемая общими свойствами слова как знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой.

Грамматическое значение:

- 1) Обязательность и регулярность его выражения в языке;
- 2) Закрытые классы языковых единиц (список элементов фиксирован) – лексико-грамматические категории (сущ., прил., глаг. и т.д.); грамматические категории (род, число и т.д.); грамматические отношения (субъект, объект); классы слов (служебные части речи: предлоги, союзы, частицы); словообразовательные конструкции; интонационные конструкции.

Лексическое значение

- 1) Необязательность и нерегулярность его выражения в языке;
- 2) Открытые классы языковых единиц (список элементов легко может быть увеличен) – образуют корневые морфемы существительных, глаголов, прилагательных, которые считаются носителями лексического значения.

2. Компонентный анализ лексического значения

2.1. Общая идея компонентного анализа значения

Компонентный анализ значения – это представление значений слов в виде комбинации элементарных компонентов смысла. Возможность

проведения такого анализа связана с взглядом на лексику в целом и на значение в частности как на систему. Системность организации некоторого множества объектов как возможность построить объекты этого множества с помощью правил, количество которых меньше, чем количество самих объектов. Системные корреляции не должны быть уникальны, они должны характеризовать целый ряд таких пар. На основе системных отношений между словами строятся пропорциональные равенства – *семантические пропорции*:

(1) *бояться : пугать = купить : продать = ... = выходить замуж : жениться*;

(2) *кислород : газ = клубника : ягода = ... = лингвист : ученый*.

(3) *писать : почерк = ходить : походка = ... = вести себя : поведение*.

Подобные пропорции выражают тот факт, что, с точки зрения значения *бояться, пугать* – с одной стороны, и *купить, продать* — с другой, имеют нечто общее, причем это общее можно приписать совпадению элементов, из которых состоят значения этих слов. Более того, *пугать, продать* имеют такие общие черты, которыми не обладают ни *бояться*, ни *купить*, и наоборот. Итак, выделение общих для них и различительных семантических признаков позволяет предположить, что значение слов состоит из элементарных смысловых единиц — семантических компонентов, сем (семантических дифференциальных признаков семантических множителей, семантических примитивов, смысловых атомов, фигур содержания и т.п.), соответствующих выделенным при сопоставлении признакам. Наиболее удобным нам представляется термин «сема», ср.: *Бежать* – движение (ср. *стоять*), перемещение (поступательное движение, ср.: *крутиться*), самостоятельно (ср.: *тащить*), по поверхности земли (ср.: *лететь*), субъект – человек, животное (ср.: *веять*), с помощью ног (ср.: *ползти*), со скоростью выше среднего, отрывая ступни (ср.: *идти*).

В лексической семантике метод КА принадлежит к числу основных методов описания лексического значения. Начиная с 60-х гг. его применяют в лексической семантике с различными целями: (1) описание лексических значений; (2) решение прикладных задач – информационный поиск, автоматическое понимание текста.

Метод КА лексических значений — это последовательность, процедур, которая, будучи примененной к словам языка, ставит в соответствие каждому слову определенным образом организованный набор семантических компонентов.

2.2. Классический вариант КА значения

В ранних вариантах КА исходным объектом анализа являются вырванные из контекста слова, взятые в их определенном узуальном значении.

(А) Наиболее распространенным среди них является **вариант компонентного анализа, основанный на применении процедуры вертикально-горизонтального анализа значений** (Ю. Найда). Данная процедура предусматривает сопоставление значений слов в двух измерениях:

а) *в вертикальном*, когда сравниваются значения, стоящие на разных уровнях иерархии родо-видовых отношений, т. е. значения гиперонимов со значениями гипонимов;

б) *в горизонтальном*, когда сравниваются значения одного и того же уровня иерархии, независимо от того, находятся они в отношении несовместимости, дополнительности или антонимии.

Процедура вертикально-горизонтального анализа иллюстрируется на примере слова *magazine* 'журнал'. Процедура разбивается на 5 этапов.

Этап 1: определить ту единицу смысла, которая включает значение слова *magazine*, т.е. иначе говоря, найти ближайший гипероним для этого слова. Его значение и будет искомым компонентом смысла. Для большинства носителей английского языка это будет значение слова *periodical* 'периодическое издание'.

Этап 2: найти те единицы, которые могут считаться включенными в значение слова, т. е. посмотреть, каково значение его гипонимов. Для некоторых носителей языка это будут гипонимы *slics, pulps, comics* и т.п.

Этап 3: исследование единиц того же самого иерархического уровня, которые находятся с интересующим нас значением в отношении несовместимости или пересечения. Это прежде всего слова *book* 'книга', *newspaper* 'газета' и *journal* 'журнал (преимущественно научный)'. Значение слова *magazine* противопоставляется значениям слов *book* по признаку периодичности. Для значений *magazine, newspaper, journal* этот признак является *интегральным*. *magazine* противопоставлен *newspaper* как издание сброшюрованное или переплетенное; *magazine— journal* противопоставлены по содержанию: *journal* – издание, обычно более специальное (например, научные журналы).

Этап 4: составление списка тех минимальных диагностических компонентов, которые, (1) отличают значение слова *magazine* от других значений того же уровня, (2) позволяют включить его адекватным образом в рамки ближайшего вышестоящего значения, (3) удовлетворительным образом охватывают значения его гипонимов. В нашем случае это будут три компонента: 'периодическое издание', 'переплетенное или сброшюрованное' и 'по содержанию и оформлению носящее довольно популярный характер'.

Этап 5: заключительный (факультативный) – формулирование дефиниции слова на основе его диагностических компонентов. Такая дефиниция обычно включает: (а) указание на класс (ближайший гипероним), (б) указание на значимые противопоставления со значениями смежными, пересекающимися и дополнительными (гипонимы). При дефиниции полезно дать также иллюстрацию значения в виде перечисления гипонимов данного слова.

В нашем случае дефиниция могла бы выглядеть следующим образом: *magazine* – периодическое издание, в переплетенном или сброшюрованном виде, имеющее относительно популярное содержание и броское оформление, например *Time, Fortune*.

Итак, общим для ранних этапов развития метода КА являются следующие моменты:

- 1) анализируются изолированные слова с учетом парадигматических отношений (корреляций), но без учета их синтагматических связей (реляций);
- 2) представление имеет вид неорганизованного набора сем или, в лучшем случае, упорядоченной последовательности компонентов;
- 3) все семы признаются одинаковыми по их логической природе (как одинаковы различительные признаки в фонологии).

Такой элементарный вариант компонентного анализа вырабатывался на материале конкретной лексики (река, тарелка), в этой области он дает приемлемые результаты. Но как только мы обратимся к анализу слов, обозначающих не предметы, а их свойства и отношения между ними, как сразу рассмотренный нами вариант компонентного анализа окажется неудовлетворительным.

(Б) Для признаков слов Ю Найда предложил другой тип анализа – **процедура анализа пересекающихся значений**. Суть КА состоит в обращении к рассмотрению не слова самого по себе, а словосочетаний с данным словом. Проиллюстрируем их на примере слова *beautiful*.

Этап 1: найти слова, близкие к данному по значению, т.е. слова из того же семантического поля, которые могут использоваться применительно к тем же объектам или событиям: *beautiful* 'красивый', *pretty* 'привлекательный', *lovely* 'очаровательный' и т. п.

Этап 2: выявление круга объектов, которые могут описываться с помощью отобранных слов. Вот здесь-то и приходится обратиться к рассмотрению сочетаний слов. Наиболее важно – найти такие контексты, в которых та или иная единица либо неприемлема совсем, либо выглядит необычно. Это называется *анализом отрицательного языкового материала*.

а) *handsome* – *man, woman, building* (здание); **lake* (озеро), **scene* (сцена), **jewel* (украшение);

б) *lovely* – *dress* (платье), *room* (комната), *sight* (вид), *thought* (мысль), *old lady* (старая леди), *nurse* (медсестра)

в) *pretty* – *cottage* (коттедж), **skyscraper* (небоскреб), *jewel* (украшение).

Этап 3: выявление тех аспектов близких значений, на которых основано их противопоставление. Наиболее эффективный прием — постановка квазисинонимов в один и тот же контекст. Так, сравнивая *beautiful woman* 'красивая женщина' с *pretty woman* 'хорошенькая женщина', мы обнаруживаем, что *beautiful* выражает бóльшую степень интенсивности качества, чем *pretty*. Сравнивая *beautiful old lady* с *lovely old lady* мы видим, что физическая (внешняя) привлекательность обязательно входит в значение *beautiful*, но не обязательно для *lovely*, которое акцентирует некоторое приятное качество, необязательно связанное с особыми достоинствами внешнего вида. Сравнивая *beautiful woman* и *handsome woman*, мы увидим, что в значении *handsome* центральное место занимает компонент величественной внешности и идеальных пропорций. В слове же *beautiful* центральным компонентом является общее впечатление от предмета, а второй из названных компонентов слова *handsome* в значении *beautiful* только подразумевается.

Этап 4: перечисление существенных признаков слова *beautiful*, по которым оно противопоставлено своим квазисинонимам: 1) привлекательность; 2) общего вида; 3) в достаточно высокой степени.

Итак, на рассмотренном примере мы видим, что для выявления семантической структуры абстрактной лексики мы волей-неволей обращаемся к анализу слова в контексте и используем нашу способность оценить языковые выражения (включается субъект-пользователь): (а) как правильные или неправильные, (б) как означающие одно и то же или неравнозначные.

2.3. Принципы КА значения в Московской семантической школе

В настоящее время принципы КА активно разрабатываются и совершенствуются. Наиболее авторитетным в отечественной лингвистике признается КА, разработанный в Московской Лингвистической школе (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук и др.), см. Новый объяснительный словарь синонимов под ред. Апресяна.

Показать необходимость такого пересмотра нам будет удобно на основе конкретного примера — анализа значения слова *только*, осуществленного И. А. Мельчуком [Мельчук 1974: 52 и далее]. Проанализировать данное слово вне контекста, с использованием гиперонима и гипонимов просто невозможно. Здесь возможен только такой путь — анализ значения выражений, содержащих слово *только* с целью определить, какая часть этого значения связана с присутствием во фразе слова *только*.

А что значит описать значение фразы? Как говорил Р. О. Якобсон, и для лингвистов, и для обычных носителей языка значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак — такой, в котором это значение более полно развернуто [Якобсон 1985: 362]. И приводил пример: *холостяк* можно преобразовать в выражение *неженатый человек*, которое более эксплицитно отражает структуру того же значения, так как отдельные элементы смысла получают в его составе особое выражение.

Если мы говорим об описании значения предложения, то таким описанием будет перевод предложения в другое предложение, которое означает то же, что и первое, но в котором это значение выражено более эксплицитно. Это перифраза, или перевод на специально созданный *семантический метаязык*, который в более явном виде представляет значение описываемого предложения, Исследуемое слово должно быть заменено на другие слова, в которых данное значение выражено более эксплицитно. Такая фраза будет толкованием исходной фразы, поскольку *толкование некоторого выражения — это тождественное ему по значению выражение, в которое это значение выражено более эксплицитно, т. е. в котором связь между формой и содержанием более очевидна, чем в толкуемом выражении*.

Для анализа рассмотрим слово *только* в том его узуальном значении, которое оно имеет в контекстах типа (1) – (3):

- (1) *Я купил только чашки.*
- (2) *Пришло только три студента.*
- (3) *Собака только обнюхала его.*

Итак, что значит *только* во фразе (1)? Для того чтобы понять это, нам надо построить другую фразу, которая имела бы то же значение (перифразу), и содержала те же слова, кроме *только*, которое должно быть заменено другими словами, с более понятным значением. Толкованием фразы (1) *Я купил только чашки* будет фраза:

- (1а) *Я купил чашки и неверно, что я купил что-либо, кроме чашек.*

Аналогичные толкования имеют фразы (2) и (3):

- (2а) *Пришло три студента и неверно, что пришло сколько-либо студентов, кроме трех.*

- (3а) *Собака обнюхала его и неверно, что собака сделала с ним что-либо, кроме обнюхивания.*

Ясно, что на счет *только* должны быть отнесены правые (после *и неверно...*) части фраз (1) – (3).

Теперь нам надо выявить то общее, что имеют между собой эти правые части, и мы получим описание значения слова. Поэтому попробуем записать правые части в более общем виде.

Заметим сначала, что (а) во всех них есть отрицание (неверно), (б) затем идет повторение левой части, с той разницей, что слово, к которому относится *только* заменено неопределенным местоимением (*что-либо*, *сколько-либо*), (в) после повторения левой части следует *кроме* + то самое слово, к которому относится *только*. Обратим внимание, что в *что-либо*, *кроме* и т.п. *кроме* означает 'отличный', 'неравный'.

Обозначим слово, к которому относится только, через A_k , а соответствующее ему местоимение через X .

Теперь введем обозначения для оставшихся частей фразы. Обозначим фразы (1)–(3) как $A_1, A_2 \dots$ только $A_k, \dots, A_{n-1}, A_n = \{A_n\}$. Через $\{A'_n\}$ обозначим ту же цепочку, из которой, однако, изъяты *только* и слово A_k . Пусть $\{A'_n(X)\}$, наконец, обозначает цепочку $\{A'_n\}$, в которую вместо A_k вставлен X . Например, если $\{A_n\} = \text{Я купил только чашки}$, то $A_k = \text{чашки}$, $\{A'_n\} = \text{Я купил}$, а $\{A'_n(X)\} = \text{Я купил } X$.

Это дает возможность дать обобщенную запись как толкуемого выражения, так и толкования:

$\{A'_n\}$ только $A_k = A'_n A_k$ и неверно, что существует такой X , что X не равен A_k и $A_n(X)$.

Описанием значения слова *только* является часть толкования, начинающаяся с 'и'. Это его дефиниция, толкование, которое так же, как и те дефиниции, с которыми мы имели дело ранее, состоит из семантических компонентов: 'не', 'равно', 'существует' и т.д. Это описание имеет полное право называться компонентным анализом, так как оно также дает представление слова в виде совокупности компонентов: 'и'; 'неверно, что'; 'существует'; 'равно'.

Мы видим, что в выражение, описывающее значение слова *только*, входят символы, относящиеся не к самому слову *только*, а к другим составляющим фразы, в составе которой оно употребляется. Вне этого выражения значение слова *только* не может быть определено. Если нам все-таки кажется, что *только* означает нечто отдельно, то это, по-видимому, объясняется тем, что мы подсознательно примысливаем к нему типовые контексты.

К тем же результатам мы приходим при попытке дать семантический анализ любого из слов, обозначающего действия, отношения, свойства, слов с предикатным, кванторным или связочным значением. Компонентное представление значения таких слов обязательно включает в себя отсылку к

другим составляющим того предложения, в котором употребляются эти слова.

Вывод: многие слова могут быть описаны семантически только в составе выражений, больших по объему, т.е. словосочетаний или предложений.

Итак, современные варианты КА исходят из того, что в общем случае толкуемой единицей должно быть не отдельно взятое слово Р, а содержащее его выражение вида ХРУ, где Х и У — переменные, сообщающие данному выражению форму предложения или словосочетания. Такое выражение называется *сентенционной* (или – *ситуативной*) *формой* (от *sentence* — предложение). Данная форма включает переменные, которые обозначают участников описываемой данным словом ситуации.

Не менее важным аспектом семантического описания слова *только* является то, что *это* не просто набор, хотя бы и упорядоченный, семантических компонентов, а *структура компонентов*, т. е. образование, имеющее вполне определенную организацию: из одних и тех же компонентов при разной организации могут строиться значения разных слов.

Для огромного количества достаточно абстрактных слов необходимость структурированности, строгой организации семантических компонентов при описании значения еще очевиднее. Приведем пример КА глаголов оценочного суждения в английском языке *accuse* «обвинять» и *criticize* «осуждать», данный Ч. Филлмором.

Значения данных глаголов строятся из одних и тех же атомов смысла (сем): 'говорить', 'нести ответственность', 'считать', 'плохо'. Разница между значениями этих слов объясняется только тем, что эти компоненты образуют в них разные структуры.

В глаголе *accuse* сема 'нести ответственность' подчинена семе 'говорить', а сема 'плохо' подчинена семе 'считать': $X \text{ accused } Y \text{ of } Z = 'X \text{ сказал, что } Y \text{ несет ответственность за } Z, \text{ считая, что } Z. \text{ плохо}';$

В глаголе *criticize* сема 'нести ответственность' оказывается подчиненной семе 'считать', а сема 'плохо' — семе 'говорить': $X \text{ criticized } Y \text{ for } Z = 'X \text{ сказал, что } Z (Y) \text{ плохо, считая, что } Y \text{ несет ответственность за } Z'.$

Здесь уместна аналогия между атомами смысла и атомами вещества. В лексической семантике, так же как и в химии, соединение одних и тех же атомов разными способами дает разные сущности: разные вещества — изомеры — в химии и разные значения слов в семантике.

Вывод: значение слова должно представляться в виде структуры, состоящей из элементов смысла и связывающих их синтаксических отношений. С формальной точки зрения, это может быть и предложение семантического языка с однозначной синтаксической структурой, и формула

исчисления предикатов, и граф, вершинами которого являются смысловые атомы. Тем самым метаязык КА должен иметь не только словарь элементарных семантических единиц, но и свой достаточно развитый синтаксис.

Теперь рассмотрим наше описание значения слова *только* еще с одной стороны. *Одинаковы ли семы по их логической природе, относятся ли они все к одной и той же логико-грамматической категории?* Очевидно, что нет.

Среди семантических компонентов, составляющих значение *только*, мы видим, во-первых, **предикаты** — элементы, которые имеют «места», заполняемые другими элементами, и **термы** — элементы, «мест» для других элементов не открывающие. Предикатами в широком смысле в нашем описании являются компоненты 'существует', 'неверно, что', 'равен', термами — переменные A_k и X .

Среди предикатов в широком смысле можно выделить: (а) **операторы** — одноместные предикаты, единственное место которых может заполняться только другим предикатом (например, оператор отрицания 'не'); (б) **связки** — предикаты, открывающие не менее, чем два места, которые должны заполняться только предикатами (например, обычная конъюнкция 'и'); (в) **кванторы** — элементы, одно из двух мест которых заполняется термом, а другое — предикатом ('существует такой X , что $P(X)$ '), и (г) **предикаты в узком смысле** — элементы, все места которых могут заполняться только термами, например, 'купил'.

Вывод: семантические компоненты неоднородны, они принадлежат к разным синтаксическим типам. Среди них необходимо различать хотя бы предикаты и термы.

Итак, в настоящее время КА лексического значения представляет собой анализ слова в типовом сентенциальном контексте, и результаты этого анализа представляются в виде выражений специального семантического метаязыка, имеющего фиксированный словарь семантических элементов, принадлежащих к разным синтаксическим типам, и свой синтаксис.

Существуют разные варианты таких **семантических метаязыков** (далее СМ), которые одновременно являются и языками для описания значений слов, и языками для описания смысла предложений. Имея ряд общих черт, эти языки отличаются друг от друга по целому ряду параметров.

А) Разные исследователи приписывают семантическим компонентам разный онтологический статус. Для одних сторонников КА компоненты — это теоретические лингвистические конструкторы, с помощью которых удобно описывать системные отношения в лексике или отношения между предложениями, для других — это ментальные сущности, обладающие психологической реальностью.

Б) Различно количество единиц словаря метаязыка. В большинстве СМ количество единиц словаря заранее не ограничивается. Предполагается только, что таких единиц существенно меньше, чем единиц словаря языка-объекта. Единственным исключением является Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ) А. Вежбицкой, список исходных семантических элементов которого хотя и меняется время от времени, но в каждый данный момент фиксирован.

В) По параметру соотношения словаря метаязыка и словаря языка-объекта можно выделить четыре типа СМ (семантического метаязыка):

1) вырожденный случай СМ, словарь которого совпадает со словарем языка-объекта (примером такого СМ может служить метаязык толкований (дефиниций) в традиционных толковых словарях, формулируемых на том же языке, значения слов которого описываются, без наложения каких-либо ограничений на словарный состав толкований;

2) СМ, словарь которого пересекается со словарем языка-объекта (например, семантический язык модели «Смысл ↔ Текст»);

3) СМ, словарь которого представляет собой подмножество множества слов языка — объекта (например, ЕСМ А. Вежбицкой);

4) СМ, словарь которого не пересекается со словарем языка-объекта (чистых примеров этого типа не существует, но в принципе, они возможны).

Аналогичным образом могут различаться СМ по тому, как их синтаксис соотносится с синтаксисом языка-объекта.

Г) Различаются СМ и по степени полноты отражения значения языкового выражения средствами СМ. Применительно к описанию значений слов при одном подходе постулируется возможность полного (без остатка) разложения (декомпозиции) значения на единицы СМ, а при другом подходе допускается неполная декомпозиция, и семантика слова описывается с помощью постулатов значения (Карнап 1959), задающих необходимые условия для употребления данного слова.

Так, семантическое описание слова *холостяк* с помощью постулатов значения имеет следующий вид:

холостяк (x) → ЧЕЛОВЕК (x) & МУЖСКОГО ПОЛА (x) & ВЗРОСЛЫЙ (x) & – ЖЕНАТ (x).

Это показывает, что в значение слова *холостяк* входят указанные семантические единицы, но, возможно, их совокупностью оно не исчерпывается. Если же мы вместо знака следования (импликации) поставим знак равенства, то мы тем самым берем на себя «повышенные обязательства» — утверждаем, что все «языковое поведение» данного слова определяется вхождением в его семантическую структуру этих и только этих единиц. В данном конкретном случае подобное решение было бы поспешным,

поскольку не всякого неженатого взрослого мужчину можно назвать холостяком, например, вряд ли это можно сделать по отношению к папе римскому

Очевидно, что описание в виде постулатов значения — более осмотнительный способ формулирования семантических гипотез. Вместе с тем, от такого описания, в том случае, когда мы уверены, что выявили все семантические связи данного слова с другими словами и / или с миром, легко перейти к описанию в виде полной декомпозиции значения (толкованию). Если мы уверены, что каждое из условий, входящих в формулировку постулата, порознь необходимо, а в совокупности они достаточны для объяснения семантических свойств данного слова, то знак импликации в формулировке постулата (\rightarrow) может быть заменен знаком двухсторонней импликации (\leftrightarrow), который для целого ряда семантических задач может отождествляться со знаком равенства (ср. определение отношения синонимии в терминах двухсторонней импликации в [Лайонз 1978: 474-475]).

Д) Различаются СМ и по характеру информации, описываемой с помощью данного языка и по исследовательской цели, для которой строится метаязык.

5. Лексико-семантические отношения

Основное содержание.

5.1. Парадигматические отношения (корреляции): синонимия, гипонимия, антонимия, конверсивность, корреляции семантической производности. Семантическое поле. Тезаурус как модель парадигматической структуры лексики. Синтагматические отношения (реляции): семантические валентности слова, сфера действия, семантическая, лексическая и морфо-синтаксическая сочетаемость слова. Модель управления и лексические функции как инструменты описания лексической синтагматики.

5.2. Отношения между узуальными значениями слова в составе его семемы (эпидигматические): метафора, метонимия, синекдоха. Когнитивная концепция метафоры. Семантические сети как модели эпидигматической структуры лексем.

Текст лекции.

5.1. Парадигматические и синтагматические отношения

Слова, как и другие единицы языка, не существуют в языке изолированно. Еще Ф. де Соссюр писал о том, что семантика знака

обусловлена его отношениями с другими единицами языка. Именно он ввел, наряду с термином значение, термин **значимость**, подчеркивая, что это не одно и то же. Значимость (в настоящее время обычно используется другой термин — **структурное значение слова**) — это отношение знака к другим знакам в системе, место знака в системе.

Для определения значимости слова необходимо сравнить его содержание с содержанием слов, которые ему можно противопоставить. Так, объем значения английского слова *blue* шире, чем русского — *голубой*, поскольку семантике английского прилагательного соответствует семантика двух русских прилагательных — *голубой* и *синий*.

Интересно в этом отношении обозначение руки и ее частей в разных языках мира. В русском языке есть номинация верхней конечности человека — *рука*, а также части руки от запястья до пальцев — *кисть*. В чешском и индонезийском языке можно обнаружить три наименования — верхней конечности в целом (чешское *pažě*), кисти руки (чешское *ruka*), части руки от кисти до плеча (чешское *rameno*). В английском, французском, немецком языках нет наименования верхней конечности в целом, а только ее частей — рука от кисти до плече (англ. *arm*, нем. *Arm*, франц. *bras*), кисть руки (англ. *hand*, нем. *Hand*, франц. *main*). Безусловно, структурное значение влияет на объем значения отдельного слова, а также на структуру лексико-семантической системы языка в целом.

В русском языке имеются лишь общие наименования *брат* и *сестра*, тогда как во многих тюркских языках есть отдельные обозначения старшего / младшего ребенка тех же родителей по отношению к другим детям (узбекское *ака* — старший брат, *ука* — младший брат, *она* — старшая сестра, *сингил* — младшая сестра).

Таким образом, значение слова определяется не только его соотношением с предметом и понятием, но и его соотношением с другими словами, местом в лексико-семантической системе данного языка.

Как и в других уровнях языковой системы, в лексике следует различать **парадигматические** и **синтагматические отношения** (парадигматику и синтагматику), т. е. семантические отношения в языке и в тексте. Отчетливое противопоставление парадигматических и синтагматических отношений сформулировал Ф. де Соссюр. Программу их соотносительного изучения предложил Л. Ельмслев (он использовал термины **корреляции** и **реляции**).

Синтагматические отношения (реляции) — это отношения между знаками, возникающие как результат их комбинирования; отношения знака к другим знакам в речи. Знаки, вступающие в эти отношения, могут употребляться вместе в процессе общения и при этом взаимодействуют.

Синтагма (от греч. ‘соединение’) — последовательность нескольких слов или, шире, языковых единиц, связанных синтагматическими отношениями.

Синтагматические отношения возникают при комбинировании слов и существуют в рамках более крупных языковых единиц: словосочетаний, предложений, текстов. Именно семантические синтагматические отношения и позволяют создавать значение более крупных единиц из более мелких. Взаимодействие смыслов слов обеспечивает смысл словосочетания. Так, словосочетание *глубокое озеро* состоит из двух слов. Первое связано с идеей большой протяженности от поверхности до дна, а второе обозначает замкнутый в берегах большой естественный водоем. В сочетании первое качество приписывается данному водоему. Произошло взаимодействие смыслов. Отдельные смыслы в пределах словосочетания становятся связанными.

Одни и те же, на первый взгляд, смыслы могут сочетаться по-разному. Например, английское словосочетание *stone wall* (дословно: *камень — стена*) означает ‘каменная стена’. Реляция, связывающая (синтаксические и семантически главный) компонент словосочетания с первым, — это отношение, которое может быть выражено следующим образом — ‘быть сделанным, состоять из того, что обозначено первым компонентом’.

Значение целого оказывается не просто суммой смыслов, а чем-то более сложным, поскольку необходимо учитывать значение синтаксических правил, их соединяющих, или, иначе говоря, синтагматические отношения. Так, в частности, рождается омонимия словосочетаний и предложений. Например, словосочетание *портрет Репина* может означать три разные вещи (‘портрет, на котором изображен Репин’, ‘портрет, который написал Репин’ и ‘портрет, который принадлежит Репину’).

Один из главных законов семантического сочетания слов состоит в следующем: чтобы два слова составили правильное сочетание, помимо различающих их сем, они должны иметь, по крайней мере, одну общую сему (по Ш. Балли, одно и то же понятие должно быть выражено в синтагме несколько раз — идея об обязательном **плеоназме**, или **избыточности**). Например, во фразе *Шофер поставил машину в гараж* сема ‘помещение’ содержится в словах *поставить* и *гараж*; сема ‘вождение’ — в словах *шофер* и *машина*; сема ‘транспортное средство’ — в словах *шофер*, *гараж* и *машина*. Так, по Ш. Балли

Парадигматические отношения (корреляции) связывают знаки в структуре, т. е. в языке. Сам термин происходит от древнегреческого существительного со значением ‘пример, образец’. **Парадигмой** называют группу элементов, имеющих определенное общее свойство, но различающихся по какому-то признаку. Семантическое сравнение всегда

предполагает хоть какое-то сходство или, как говорят, основание для сравнения.

Самые важные семантические корреляции — синонимия, гипонимия, антонимия, конверсивность, корреляция семантической производности.

Два знака одной знаковой системы находятся в отношении **синонимии**, если их содержание совпадает, а формы различаются. Синонимичные знакликсеммы принято называть **синонимами**. При определении синонимов вводятся еще некоторые ограничения. Так, они должны относиться к одной и той же части речи. Это позволяет избежать отнесения к синонимам, например, глаголов и соответствующих глагольных существительных, различающихся только грамматическими (частеречными) значениями (ср. *кричать* и *крик*; *читать* и *чтение*).

Внутри класса синонимов различают несколько разновидностей.

Полные (точные) синонимы — это слова, содержание которые не обнаруживает никаких семантических различий — ни в денотативном, ни в сигнификативном, ни в прагматическом, ни в синтаксическом планах. Например, в русском языке к полным синонимам относятся *бегемот* и *гиппопотам*, *миг* и *мгновение*, *студень* и *холодец*, *дорога* и *путь*, *стачка* и *забастовка*, *громадный* и *огромный*, *врать* и *лгать*, *нестись* и *мчаться*, *глядеть* и *смотреть*. Полных синонимов достаточно мало, поскольку естественный язык не терпит дублетности. Гораздо чаще встречаются слова с близкими, очень похожими, но не полностью совпадающими значениями.

Экспрессивно-стилистические синонимы — это слова, содержание которых совпадает во всем, кроме экспрессивно-оценочных элементов их прагматического слоя. Например, слова *глаза*, *очи*, *зенки* называют одно и то же — орган зрения. Но слово *очи* употребляется только в возвышенной, поэтической и книжной речи. Достаточно вспомнить знаменитый романс

«Очи черные». В повседневной речи оно почти не используется. Так, никто не скажет *У меня болят очи; Закройте очи*. Экспрессивно-стилистический синоним *зенки* можно встретить в низком стиле (*Ну что зенки-то выпучил!*).

Синтаксические синонимы различаются в синтаксическом плане, т.е. существуют грамматические или лексические ограничения на сочетаемость этих слов с другими словами. Например, *полный* и *круглый* синонимичны в значении ‘абсолютный, проявляющийся вполне, а не частично’, но сочетаются они с разными существительными: *круглый дурак, круглый сирота* — *полный восторг, полная свобода*.

Квазисинонимы, или **неполные, неточные** синонимы — слова, достаточно близкие по значению, но имеющие мелкие смысловые различия, которые затрагивают денотативный и сигнификативный слой. Так, слова *дом* и *здание* употребляются в следующих ситуациях. Если мы знаем, что в данном строении живут люди, мы, скорее, употребим слово *дом*, причем оно может означать и само здание, и его внутреннюю часть (например, квартиры, лестницы и т. д.), и даже жильцов, ср.: *В нашем доме сломался лифт; У нас в доме тепло. Здание* же обозначает только внешний облик строения и ничего другого. Поэтому если очевидно, что строение не предназначено для жилья, можно использовать только слово *здание*: *здание университета, здание собора*.

Кроме синонимии существуют и другие важные и типические отношения между значениями слов.

Гипонимические отношения (корреляции) — это родо-видовые отношения, отношения между общим и частным понятием, ср.: *насекомое* — *муравей*, *фрукт* — *яблоко*, *офицер* — *полковник*. Слово с общим значением называется **гиперонимом** (*насекомое, фрукт, офицер*), с частным —

гипонимом (*муравей, яблоко, полковник*). Частное и общее можно использовать для объяснения друг друга. Вот как, например, объясняется частное через общее. Можно сказать *Муравей — это насекомое; Яблоко — это фрукт; Полковник — это офицер*, однако неправильным было бы обратное утверждение *Насекомое — это муравей*. Как правило, у одного гиперонима существует целый ряд гипонимов (*фрукт — яблоко, груша, апельсин, ананас* и др.; *дерево — осина, береза, дуб, ель, сосна* и др.). Слова гипонимического ряда (*яблоко, груша, апельсин, ананас; осина, береза, дуб, ель, сосна*) также находятся в определенном отношении друг к другу: их значения пересекаются, т. е. частично совпадают. Слова, имеющие один гипероним, называются **когипонимами** или **согипонимами**. На основе гипонимических отношений можно строить **эндоцентрические ряды**, в которых каждое слово является гипонимом по отношению к предыдущему, например: *человек — ребенок — мальчик — пострел*. Слова из одного эндоцентрического ряда могут быть использованы для названия одного референта. Так, *пострела* можно назвать и *мальчиком*, и *ребенком*, и *человеком*.

Отношения (корреляция) **несовместимости** связывают между собой когипонимы (*яблоко — груша; сосна — ель*). Такие слова не могут в один и тот же момент характеризовать одно и то же явление, относиться к одному и тому же объекту, как члены эндоцентрического ряда, Их денотаты не пересекаются, но их сигнификаты имеют общую часть, т.е. совокупность признаков, составляющих сигнификат их общего гиперонима (*фрукт, дерево*).

Отношения (корреляции) **«часть — целое»** связывают имя некоторого объекта с именами его составляющих частей (*дерево — ветка, ствол, корни, лист*). В отличие от гипонимической корреляции, где гипоним одновременно

является представителем гиперонима (ср.: яблоко — это фрукт; сосна — это дерево), ни одна из частей целого сама по себе целым (нельзя сказать, что ветка — это дерево).

Антонимия — это отношение (корреляция) противоположности понятий. Слова, относящиеся к одной части речи и имеющие противоположные значения, называются **антонимами**. В этом определении особого комментария требует понятие противоположности. В различных теоретических работах оно раскрывается следующим образом: Предлагается ряд более элементарных и строго определяемых семантических противопоставлений, которые и называются разновидностями противоположности. Предполагается, что два антонима различаются только таким элементарным противопоставлением.

Если антонимы связывают **дополнительные** отношения (отрицание одного антонима влечет за собой утверждение другого), то этот тип антонимии называется **комплементарным**, поскольку один из антонимов дополняет другой до целого и тем самым исчерпывает существующие возможности: ср.: *живой — мертвый, холостой — женатый, слепой — зрячий*. Иначе говоря, можно быть либо *живым*, либо *мертвым*; либо *холостым*, либо *женатым*; либо *слепым*, либо *зрячим* — третьего не дано.

Отношения **контрастной** антонимии связывает антонимы (например: *большой — маленький, холодный — горячий*, в значение которых входит указание на противоположные зоны шкалы, соответствующей определенному параметру (размер, температура). На шкале могут выделяться различные степени «удаления» от нейтрального значения, и соответственно для одной шкалы могут существовать несколько пар антонимов. Так

устроена, например, температурная шкала: *горячий – холодный и теплый — прохладный*.

Векторная антонимия связывает слова, обозначающие разнонаправленные действия или признаки, например: *въехать — выехать, отплыть — подплыть, связать — развязать, революционный — контрреволюционный*. Здесь также можно говорить о шкале, с которой связана динамическая ситуация.

Конверсивная корреляция (**конверсивность**) связывает слова-**конверсивы** (*выиграть — проиграть, купить — продать, младше — старше*), которые обозначают одну и ту же ситуацию, но рассматривают ее с точки зрения разных ее участников (*Петя продал Ване машину — Ваня купил у Пети машину; «Динамо» выиграло у «Спартака» — «Спартак» проиграл «Динамо»; Ваня старше Пети — Петя младше Вани*).

5.2. Моносемия, полисемия, омонимия

Моносемия и полисемия (актуальное и узуальное значения)

На первой лекции мы с вами говорили о противопоставлении значения и смысла как о языковом и речевом феноменах в содержательной стороне знака. Смысл – это та информация, которая связана с конкретным употреблением знака в конкретном высказывании с учетом всей коммуникативной ситуации. Значение – это та информация, которая связана со знаком конвенционально, т.е. согласно общепринятым правилам использования этого знака в данном языковом этносе в данный синхронный срез языка.

Мы также говорили, что термины смысл и значение многозначны. Кроме того, смысл в большей степени связан со всей коммуникативной ситуацией, со всем высказыванием. Поэтому, когда речь идет об отдельном слове в конкретном употреблении, принято использовать несколько иную терминологию – актуальное и узуальное значения.

Актуальное (окказиональное) значение – это речевое значение; содержание (семантика) словоупотребления лексической единицы в конкретном высказывании, в конкретной коммуникативной ситуации.

Узуальное значение (узема) – это языковое значение слова (вернее, языкового лексико-семантического варианта – минимальной двусторонней лексической единицы), это содержание (семантика) слова в отвлечении от конкретной ситуации его употребления – в составе предложения, изолированного от контекста и конкретной коммуникативной ситуации. Узуальное значение – это инвариант бесконечных актуальных значений ЛСВ (слова).

Соответственно:

Моносемия – это наличие у лексической единицы (лексемы) одного узуального значения.

Полисемия – это наличие у лексической единицы (лексемы) нескольких узуальных значений.

Возьмем пример:

Банк ищет кассира.

Как вы понимаете смысл этого высказывания? Какими могут быть актуальные значения этого словоупотребления?

Здесь возможны, по крайней мере, две интерпретации смысла высказывания:

- 1) конкретный кассир исчез: например, сбежал, с деньгами банка, и банк стремится его обнаружить, чтобы вернуть деньги;
- 2) в банке есть вакантная должность кассира, и банк стремится получить специалиста, чтобы тот занял эту вакантную должность.

Соответственно существительное кассир и глагол искать выступают здесь в двух разных актуальных значениях.

Кассир:

- 1) В первой ситуации кассир – это конкретное лицо (возможно, сбежавшее с деньгами банка).
- 2) Во втором случае кассир – это любой человек, который имеет такую профессию.

Таким образом, референты (или экстенционалы – логический термин) – это множество объектов, которые могут быть обозначены данным знаком в конкретной коммуникативной ситуации, – у них разные. Следовательно, и актуальные значения у них разные.

Аналогичную операцию можно провести и в отношении глагола *искать*:

- 1) В первом случае *искать* – значит «стремиться обнаружить, определить местоположение кого-, чего-л. (обычно о спрятанном, потерянном, скрытом)» (ср.: искать очки, искать глазами кого-либо).

- 2) Во втором случае *искать* – «стараться получить (с какой либо целью)» (ср.: *искать учителей для сына, искать защиты, искать работу*).

Разные ли референты у этих словоупотреблений? Безусловно. Но только ли? Здесь явные различия есть в сигнификатах и детонатах. Поэтому возникает вопрос: только актуальные значения у этих словоупотреблений разные? Может быть, в данном случае речь идет о разных узуальных (языковых) значениях? Другими словами – это моносемия или полисемия?

Актуальные значения представлены в речи. Они образуют речевую многозначность (термин Юрия Дерениковича Апресяна).

Речевая многозначность – это представленность узуального значения в речевом употреблении двумя или более вариантами, выбор между которыми обусловлен экстралингвистическим контекстом, в частности, знаниями о мире.

В целом варьирование актуальных значений может быть бесконечным в каждой отдельной ситуации.

Например, Александр Иванович Смирницкий (один из родоначальников современной отечественной семантики) писал, что чувства, выражаемые глаголом *люблю* в признании *Я вас люблю* одним и тем же лицом по отношению к одному и тому же адресату, в два разные момента времени – в период влюбленности и 20 лет после свадьбы – вряд ли будут совпадать.

Но при всех варьированиях смысла глагола *любить* или существительного *кассия* перед нами явно одно узуальное значение, поскольку при всех частных различиях (денотативных, сигнификативных, прагматических) они сохраняют некоторую общую часть, которая и составляет языковое значение данной единицы как единицы языка.

Напоминаю, что:

Денотат – целостный образ типичного, эталонного представителя соответствующего класса сущностей.

Сигнификат – совокупность существенных – необходимых и достаточных – признаков обозначаемых словом объектом.

Вместе с тем далеко не всегда разграничить актуальные и узуальные значения так просто. Например, если сравнить семантическую структуру глагола *искать* в разных толковых словарях современного русского языка, то обнаруживаются принципиальные различия.

Так, МАС, БАС (выходящий в Петербурге, под ред. Горбачевича-Герда) эти актуальные значения объединяют в одно), тогда как в Толковом словаре 2007 г. под ред. Шведовой) такого рода словоупотребления рассматриваются в разных значениях (ЛСВ).

Возможность различной интерпретации конкретной речевой многозначности: несколько актуальных при одном узуальном значении (моносемия) или несколько узуальных значений (полисемия) – связана с

диффузностью значений в целом (термин Д.Н. Шмелева). Узуальное значение в целом диффузно: оно покрывает ряд очень близких, но не полностью совпадающих означаемых. Другими словами, множество словоупотреблений, составляющих одно языковое (узуальное) значение, представляет собой размытое множество (ср. пример с *кассиром*).

Но обычный носитель языка обычно легко объединяет актуальные значения в одно узуальное и так же легко противопоставляет несколько узуальных значений внутри многозначного слова. Сложности в интерпретации (из-за диффузности семантики лексических единиц) возникают там, где они возникают и у теоретиков, и у лексикографов.

Сравним несколько словоупотреблений слова *игла* и попробуем объединить актуальные значения в несколько узуальных:

(1) *Старуха вдевает нити в иглу.* (1. «Заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья»).

(2) *Вся спина ерша вооружена острыми, крепкими иглами.* (3. «Острый вырост на теле животного»).

(3) *Зеленоватый мох весь усеян сосновыми иглами.* (4. «Лист хвойного дерева»).

(4) *Ярко горела на солнце золотая игла Петропавловской крепости.* (6. «Острый шпиль здания»).

(5) *Хирургические иглы изготавливают из особого сплава* (1. «Заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья»).

(6) *Обычно дикобразы бродят лишь ночью, неловко переваливаясь и гремя иглами.* (3. «Острый вырост на теле животного»).

(7) *В свежем изломе ферромарганец серый, с ясно проступающими кристаллическими иглами.* (5. «Тонкий заостренный кристалл чего-л.»).

(8) *К этим ипприцам подходят только иглы для подкожных впрыскиваний* (2. «Металлический стержень с заостренным концом различного назначения»).

(9) *Она стряхнула маленькой ручкой иглы инея, упавшие на муфту.* (5. «Тонкий заостренный кристалл чего-л.»).

(10) *Известный коллекционер жаловался, что сейчас найти патефонные иглы почти невозможно.* (2. «Металлический стержень с заостренным концом различного назначения»).

Перед нами 10 высказываний с 10 словоупотреблениями слова *игла*, в которых реализовано 10 актуальных значений. По вашему мнению, сколько узуальных (языковых) значений представлено в этих словоупотреблениях?

На базе анализа денотатов и сигнификатов можно утверждать, что в 10 словоупотреблениях реализуется 6 узуальных (языковых) значений лексемы ИГЛА:

1. «Заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья». Примеры: (1) *Старуха вдевает нити в иглу*; (5) *Хирургические иглы изготавливают из особого сплава*.

2. «Металлический стержень с заостренным концом различного назначения». Примеры: (8) *К этим шприцам подходят только иглы для подкожных впрыскиваний*; (10) *Известный коллекционер жаловался, что сейчас найти патефонные иглы почти невозможно*.

3. «Острый вырост на теле животного»). Пример (2): *Вся спина ерша вооружена острыми, крепкими иглами*.

4. «Лист хвойного дерева»). Пример (3): *Зеленоватый мох весь усеян сосновыми иглами*.

5. «Тонкий заостренный кристалл чего-л.». Примеры: (7) *В свежем изломе ферромарганец серый, с ясно проступающими кристаллическими иглами*. (9) *Она стряхнула маленькой ручкой иглы инея, упавшие на муфту*.

6. «Острый шпиль здания»). Пример (4): *Ярко горела на солнце золотая игла Петропавловской крепости*.

(Спорно выделение значений: 2, 3, 4, 5 – предмет тонкой, заостренной формы). Если учитывать происхождение, состав и назначение: артефакт (2), животное (3), растение (4), кристалл (5), часть сооружения (6). (1) и (2) различаются денотативными признаками и назначением (наличие / отсутствие ушка).

Подобные споры происходят и между лексикографами.

В одних словарях (словарь 2007 г. под ред. Шведовой) – только три значения: 1) для шитья; 2) предмет такой формы (2-5); 3) остроконечный шпиль здания.

В других (МАС и БАС) – 6 значений (выделенных нами) – учитывается состав, происхождение и назначение.

Для решения теоретической проблемы противопоставления моносемии и полисемии (актуальных и узуальных значений) в последнее время в когнитивной семантике используется так называемая прототипная теория значения (Джорж Лакофф, Чарлз Филлмор и др.). В рамках этой теории вводится понятие прототипа. В семантике слова выделяют прототипический денотат и прототипический сигнификат.

Прототипический денотат – это типичный (эталонный) представитель класса объектов (референтов), обозначаемых словом.

Прототипический сигнификат – это набор признаков, свойств, присущих типичному денотату слова.

Рассмотрим ставший хрестоматийным пример:

ПТИЦА

А) Прототипический денотат (по данным экспериментов когнитивных психологов) – это воробьи и малиновки.

Б) Прототипический сигнификат складывается из следующих признаков:

- 1) имеет крылья, перья;
- 2) кладет яйца;
- 3) имеет клюв, пару лапок;
- 4) не хищник;
- 5) не домашний;
- 6) умеет летать.

Можно выделить и другие признаки, но прототипная когнитивная семантика не стремится определить значение в виде конечного списка таких признаков (он может стать бесконечным – представьте, каким станет значение, если описать все видов птиц – с раскраской, формой клювов, оперения, особенностями жизнедеятельности и т.п.). Например, как показали исследования для американцев концептуально значимым являются такие характеристики концепта птица, как то, что интересно изучать / наблюдать (распространен такой вид отпуска, как поездки в места, где много птиц – за ними наблюдают, их фотографируют); то, что надо оберегать (влияние природоохранных организаций США). Но вряд ли эти признаки являются существенными и входят в сигнификат значения слова *птица*.

Прототипная семантика определяет значение слова как прототипический каркас, т.е. набор необходимых и достаточных свойств прототипического денотата. При этом допускается, что слово может использоваться по отношению к другим денотатам (не прототипическим), разделяющим с протитипическим не все признаки. Например, *коршун* – хищник; *пингвин*, *страус* – не летают и т.д.

То, что денотаты этих слов не относятся к прототипическим доказывает дистрибуция слова *птица*. Ср., определяя слово *коршун*, мы скажем – хищная птица (мы вынуждены уточнить с помощью определения особенность коршуна как птицы, потому что для прототипического денотата это не свойственно: мы не говорим: *воробей* – это не хищная птица). То же самое – при характеристике семантики слова *пингвин* мы скажем «нелетающая птица», а при характеристике *утки* – «водоплавающая птица». Прототипические признаки слова часто проявляются в устойчивых сочетаниях (идиомах). Ср.: *птица высокого полета*.

Могут получить свое отражение прототипические признаки и в особенностях семантической структуры слова – в семантике производных

значений. Например, по данным зоологии, неядовитых змей значительно больше, чем ядовитых, но прототипический денотат слова *змея*, безусловно, это ядовитое пресмыкающееся (ср. метафорическое значение в цитате из Грибоедова «Горе от ума» – *не человек, змея!*).

Таким образом, значение слова диффузно (размыто). Для разграничения актуальных (речевых) значений внутри одного узуального (языкового) значения необходимо использовать целый комплекс критериев.

Критерии разграничения актуальных и узуальных значений:

- 1) степень различия денотатов и сигнификатов словоупотреблений;
- 2) семантическая сочетаемость словоупотреблений;
- 3) синтаксическая сочетаемость словоупотреблений;
- 4) парадигматические отношения словоупотреблений;
- 5) грамматические ограничения на употребления.

Безусловно, решающим является (1) критерий – степень различия денотатов и сигнификатов. Если различия велики, это разные языковые значения (т.е. слово многозначно).

Вернемся к нашим словоупотреблениям слова *игла*.

В выделенных нами 6 значениях наблюдаются существенные различия между денотатами и сигнификатами групп словоупотреблений.

1. «Заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья». Примеры: (1) *Старуха вдевает нити в иглу*; (5) *Хирургические иглы изготавливают из особого сплава*.

2. «Металлический стержень с заостренным концом различного назначения». Примеры: (8) *К этим шприцам подходят только иглы для подкожных впрыскиваний*; (10) *Известный коллекционер жаловался, что сейчас найти патефонные иглы почти невозможно*.

3. «Острый вырост на теле животного»). Пример (2): *Вся спина ерша вооружена острыми, крепкими иглами*.

4. «Лист хвойного дерева»). Пример (3): *Зеленоватый мох весь усеян сосновыми иглами*.

5. «Тонкий заостренный кристалл чего-л.». Примеры: (7) *В свежем изломе ферромарганец серый, с ясно проступающими кристаллическими иглами*. (9) *Она стряхнула маленькой ручкой иглы инея, упавшие на муфту*.

6. «Острый шпиль здания»). Пример (4): *Ярко горела на солнце золотая игла Петропавловской крепости*.

Сравним с этой же точки зрения семантику слова *искать* в двух интерпретациях контекста: *Банк ищет кассира*. На мой взгляд, коллектив словаря под ред. Наталии Юлиевны Шведовой, который данные контексты рассматривает как разные значения, более прав, поскольку сигнификативные различия в этих словоупотреблениях существенны (в первом случае – найти

местоположение; важно – где находится кассир; во втором случае этот признак нейтрализован: если банк хочет нанять кого-либо на должность кассира кого-либо, то ему неважно, где в данный момент он находится, а актуализируются в качестве ядерных другие компоненты значения – стремиться получить в соответствии с определенной целеустановкой – найти человека, отвечающего требованиям банка).

Первый критерий (степень различия денотатов и сигнификатов) решающий, но не всегда достаточный. Поэтому надо учитывать и другие критерии.

Второй критерий – семантическая сочетаемость словоупотреблений. Этот критерий непосредственно связан с первым: семантика влияет и на сочетаемость слов, и наоборот. Ср. в наших примерах: иглы растения (*сосны, пихты, ели*); иглы животного (*дикобраза, ежа, ерша*) и т.д.

Другой пример: глагол *умереть* в зависимости от типа субъекта – одушевленный или неодушевленный (например, эмоции) реализует различные узусальные значения: *солдат умер в госпитале / любовь умерла в моем сердце*.

Но нельзя абсолютизировать этот критерий. Например, именно данный критерий стал, по-видимому, ведущим при характеристике глагола *искать* в МАС и БАС: первое значение: «стремиться обнаружить», по их мнению, распространяется как на одушевленные, так и неодушевленные объекты (*искать иголку – искать учителя*), а второе («стремиться получить») – только на неодушевленные (*искать работу, искать защиты*). Поэтому *искать кассира* во второй интерпретации – у них это первое значение.

Третий критерий – синтаксическая сочетаемость. Достаточно часто определенные узусальные значения реализуются в определенных синтаксических конструкциях, в обязательных сочетаниях (с обязательным определением, с обязательным управляемым словом и т.д.).

Например, зоонимы (номинации животных) при выражении качественной характеристики человека обычно реализуют это значение в функции предиката (а также – обращения и приложения), но не способны функционировать в роли подлежащего или дополнения:

Ср. существительное *лиса*:

(1) *Лиса схватила цыпленка и утащила его в кусты* (животное).

(2) *Ну ты и лиса!* (о хитром, изворотливом человеке).

(3) *Лиса опять вышла сухой из воды**. (это предложение невозможно).

Другой пример: существительные со значением «часть тела животного, человека» в первичном значении (*ручка, ножка, нос, носик, спинка, крыло*) во вторичном – указании на часть артефакта – обязательно имеют при себе зависимое существительное в Р.п. – со значением целого – артефакта. Ср.:

ручка двери / ножка стула / носик чайника / спинка кресла / крыло самолета / хвост самолета.

В целом первичные узуальные значения обычно более независимы от контекста, как вторичные (производные) – более зависимы (в синтаксическом и семантическом отношении). Кстати, если рассматривать с этой точки зрения существительное игла, то лишь в первом значении оно может выступать тез синтаксических конкретизаторов (согласованных или несогласованных определений). Ср.: – *Дай мне иглу* (для шитья). – *но игла растения / животного / подшипника, вязальные иглы.*

Следует отметить, что в сочетаемость (семантическая и синтаксическая) не всегда дает возможность разграничить узуальные значения. В этом случае необходимо иметь представления о всей коммуникативной ситуации (ср. пример с глаголом *искать*).

Ср.:

(1) *Преступник зарезал свою жертву.*

(2) *Комиссия зарезала мой проект* (достаточно семантической сочетаемости – «отвергнуть»).

(3) – *Как Ольга? Уехала в Турцию? – Как же, зарезал ее профессор на экзамене!* («поставил в безвыходное положение» – «не сдала, осталась, будет дожидаться пересдачи», а может быть, среди нас орудует маньяк).

Четвертый критерий – парадигматические отношения словоупотреблений – связан с анализом лексико-семантических групп, семантических полей и т.п., в которые входят эти словоупотребления. В примере с лексемой игла – это артефакты (1 и 2 значения), зоонимы (3 значение), флора (4 значение), природные объекты (вещества) (5 значение), сооружения (6 значение).

Пятый критерий – грамматические ограничения на употребления.

Ср.: у качественного прилагательного *сухой* есть несколько значений:

(1) *В ванной висят сухие полотенца / Полотенца сухи.* – «Не содержащий влаги, не мокрый, не замоченный» – возможны полная и краткая формы.

(2) *На складе осталось несколько мешков сухого молока.* – «Высохший или высушенный» – невозможна краткая форма.

Но и этих критериев не всегда достаточно. Например, плохо противопоставлены по парадигматике и семантической сочетаемости 1 и 2 значения существительного *игла*: *игла для шитья* – *вязальные иглы, иглы подшипников* (обозначают артефакты оба). Поэтому надо учитывать словообразовательные, семантические потенции ЛСВ в конкретных значениях (ср.: *игольник, игольное ушко* – только от первого ЛСВ существительного *игла*; деминутив *иголка* – не соотносится с 5 и 6

значениями *игла* (нельзя: *иголка здания, иголка инея*). Необходимо также учитывать этимологию, динамику развития лексической единицы в диахронии. Большую роль играет и лексикографическая традиция. (ср. существительное *игла* в словаре Даля имеет первое значение – «протыкалка с ушком для шитья»).

Таким образом, противопоставление моносемии (одно узуальное значение) и полисемии (несколько узуальных значений) у одной лексемы – процесс сложный, часто противоречивый и иногда не имеющий однозначного ответа. В большинстве случаев это связано не с ошибками или недочетами в анализе языковых фактов, а с естественным функционированием языка, с принципиальной диффузностью лексического значения и нескольких лексических значений внутри многозначного слова.

Полисемия и омонимия (узуальное и виртуальное значения)

Если сравнить содержание узуальных значений лексемы, то можно заметить, что они связаны между собой благодаря наличию существенной общей части, – общей семой или набором сем. Наличие таких связей ощущается носителями языка (у слова *игла* это «узкий удлиненный объект заостренной формы»). Поэтому лингвисты, двигаясь дальше по оси обобщенности, объединяют связанные между собой узуальные значения одного словесного означающего в виртуальное значение одного и того же многозначного слова, или, в другой терминологии, в одну семему. Такие случаи трактуются как полисемия. В практике составления толковых словарей их объединяют в одну словарную статью— вокабулу.

Итак, виртуальное значение (семема) – система значений многозначного слова (аналогично вариантам одной фонемы).

Характер виртуального значения многозначной лексемы по-разному определяется в лингвистике. Например, Александр Иванович Смирницкий считал, что в многозначном слове можно выделить общую часть, которая и является общим значением такого слова (в современной терминологии – виртуальным) значением. Частично эта точка зрения отражена в учебнике «Семантика» Максима Анисимовича Кронгауза (он выделяет общее значение – инвариант – как общую часть значений многозначного слова), но отмечает, что такой инвариант есть не у всех многозначных слов.

Например, в слове *кромка* такой инвариант (общая часть всех значений) есть:

1) «Узкая полоска по долевному краю ткани, отличающаяся выработкой» (*кромка на ситце*);

2) «Продольный край деревянной доски, металлического листа и т.п.» (*кромка стального листа*);

3) «Вообще край чего-л.» (*кромка льда*).

Инвариант значения (общее значение) слова *кромка* – «край чего-л.» (третье значение как самое общее фактически присутствует во всех трех значениях). Ср. в существительном *игла* таким инвариантом будет «заостренный предмет удлиненной формы».

Но далеко не всегда можно обнаружить такой общий компонент у всех значений многозначного слова.

Например, Кронгауз рассматривает значения существительного *чай*:

1) «Вечнозеленое растение, из высушенных листьев которого готовится ароматный напиток» (*выращивать чай*);

2) «Ароматный напиток, приготовленный из этих листьев» (*крепкий чай*);

3) «Чаепитие» (*К чаю был подан вкусный десерт*).

Между (1) и (3) значениями нет непосредственной связи (они опосредовано связаны через второе значение). В этом случае, как, например, в учебнике Кронгауза, говорится о главном (обычно первом) значении.

Поскольку в языке регулярно представлены случаи, когда между первым и одним или несколькими производными значениями нет вообще общих сем, то более распространенным является отказ от определения такого общего значения.

Виртуальное значение воспринимается по аналогии с виртуальным значением фонемы – как система значений лексико-семантических вариантов слова. Как среди и вариантов фонемы, первое из них (как прототипическое) является представителем такого виртуального значения.

Но дискуссионным является и более общая теоретическая проблема: всегда ли узуальные значения, связанные с одинаковым означающим (общей формой), образуют единую систему (виртуальное значение), одно слово – или это разные слова (омонимы)? Другими словами, можно ли говорить о многозначности (полисемии) вообще?

Целый ряд исследователей (например, Сергей Осипович Карцевский – ввел понятие асимметрии языкового знака, академик Лев Владимирович Щерба) значения многозначного слова рассматривали как омонимы, т.е. как разные слова (у Щербы: сколько языковых значений, столько и слов).

В настоящее время практически всеми исследователями признается полисемия. Более того, утверждается, что полисемия – естественное и необходимое условие существования любого естественного языка. Так, отмечено, что даже искусственные языки (например, эсперанто) при функционировании имеют тенденцию к формированию (по крайней мере, речевой) многозначности (полисемии).

Причины возникновения полисемии:

1) Одна из причин – принцип экономии). Наш опыт беспределен, а ресурсы языка ограничены, поэтому мы вынуждены называть одним и тем же словом разные явления действительности.

2) С эти связана и вторая причина, базирующаяся на антиномии (противоречии) кода и текста: код (число словесных знаков в нашем случае) стало бы почти беспредельным, если бы мы для каждого денотата и сигнификата создавали бы новое слово. А ресурсы нашей памяти ограничены.

3) Третья причина – и она является наиболее важной в когнитивном плане – заключается в самом характере человеческого мышления: познавая мир, мы устанавливаем связи между отдельными его участками, фрагментами. И полисемия (через систему взаимосвязанных значений) отражает такие связи.

Например, человеку свойственно устанавливать связь:

а) между действием и его результатом (ср.: *сочинение стихов для меня счастье – сдайте свои сочинения*);

б) между действием и его субъектом (*надо провести разведку боем – разведка вернулась под утро*);

в) между вместилищем и вместимым (*деревня раскинулась на берегу реки – вся деревня вышла встретить знаменитого земляка*);

г) между пространством и временем (*пришел мой знаковый – пришел новый год*).

Таким образом, полисемия – это экономный, удобный и обобщенный способ хранения в естественном языке информации о мире.

Лингвистическая сущность полисемии объясняется асимметричностью языкового знака и значения (выделено Карцевским), о которой мы говорили с вами уже не раз.

Как писал Карцевский, знак и значение обычно не покрывают полностью друг друга: а) один и тот же знак (означающее) стремится «обладать иными функциями, нежели его собственная» (т.е. стремится к многозначности); б) а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами» (тенденция к синонимии). Как пример, Карцевский приводил слово *старый*., у которого тенденция к многозначности (у Карцевского – к омонимии) проявляется в последовательном развитии значений: *старый*₁ – «Достигший старости» (*старый мужчина*) → *старый*₂ – «Давний» (*старый друг*) → *старый*₃ – «Ветхий» (*старый диван*).

Именно семантический признак (наличие общих семантических компонентов) является основополагающим для противопоставления полисемии и омонимии.

Полисемия – наличие у слова более одного узуального значения.

Омонимия – совпадение формы (устной или письменной) разных языковых знаков.

Обычно (например, в школе) об омонимии говорят в том случае, когда семантика двух одинаковых по форме означающих вообще не имеют общих семантических компонентов. И обычные носители языка воспринимают такие единицы как два разных слова.

Сравним следующие контексты:

(1) *Родители состоят в браке 20 лет.* (Брак 1 – «Супружество»).

(2) *Из-за некачественного металла все детали пошли в брак.* (Брак 2 – «Испорченные или не соответствующие стандартам изделия, товары»).

Между значениями этих словоупотреблений словесного означающего *брак* нет никаких общих компонентов – сем (*брак 1* – от *братъ* в *жены / мужа*; *брак 2* – заимствование из немецкого языка через посредство польского).

Но далеко не всегда мы имеем дело именно с такими единицами. Сравним такие контексты:

(1) *В этой реке еще водятся раки.* (*рак 1* – «животное»).

(2) *У него обнаружили рак желудка* (*рак 2* – «злокачественная опухоль»).

Это разные слова или одно слово? На этот вопрос ответить уже сложнее. Можно говорить об общих коннотативных компонентах: *рак-животное* имеет большие клешни, способно ранить клешней, *причинить боль, вред человеку*. Эти признаки, как коннотативные и дифференциальные, присутствуют и *рак 2* – «злокачественная опухоль». Но достаточно ли этого для объединения данных узуальных значений в одну полисемантическую единицу?

Другими словами, каковы критерии противопоставления омонимии и полисемии?

Ответ на этот вопрос во многом определяется происхождением и типом омонимии.

Типы омонимов с формальной точки зрения:

1) Полные (лексические) омонимы относятся к одной части речи и совпадают во всех своих формах (ср.: *ключ*¹ ‘родник’ и *ключ*² ‘отмычка’);

2) Омоформы совпадают в одной из словоформ (ср.: *русская печь* – *печь блины*).

3) Омографы совпадают в письменной форме, но не совпадают в устной (ср.: *átлас* и *атлác*);

4) Омофоны совпадают в устной форме, но не совпадают в письменной (ср.: *компания* и *кампания*, *луг* и *лук*).

Всё, что касается 2-4 типов, то здесь сложностей с отнесением слов к омонимам, нет. Это понимают и простые носители языка.

Сложности в интерпретации могут возникнуть только при характеристике полных (лексических) омонимов.

В этом случае важно учитывать происхождение и словообразовательную структуру единиц.

Типы омонимов по происхождению:

1) Этимологические омонимы. Причина появления этимологических омонимов – формальное совпадение различных по происхождению слов в силу изменений исторического характера. Например, диахронические фонетические изменения; совпадение русского и заимствованного слов или двух заимствованных слов). Например: *лук 1* «растение» – из древнерусского *лукъ*; – германское заимствование в общеславянский язык; *лук 2* «оружие для метания стрел» – из древнерусского (до 10 века) *л@къ* (из *Q*); *брак 1* и *брак 2* – русское и немецкое по происхождению слова. Они не имеют никаких общих компонентов в содержании.

2) Словообразовательные омонимы. Причина возникновения таких омонимов – результат различного рода словообразовательных процессов. Например, *заиграть 1* – «Начать играть» (*Музыка заиграла*) и *заиграть 2* – «Часто исполняя, сделать банальным, пошлым» (*заиграть мелодию*). Такие омонимы имеют общие семантические компоненты (образованы от одного и того же производящего слова), но они образованы по разным словообразовательным типам – с помощью омонимичных приставок: *за⁻¹* – «начало действия» (*запеть*, *заговорить*); *за⁻²* – «доведение действия до нежелательного результата» (*заболтать какую-либо идею*). Такие омонимы также не вызывают обычно дискуссий. Вернее, здесь могут быть дискуссии об омонимии словообразовательных аффиксов. К такого рода омонимов примыкают омонимы мотивированные разными производящими основами. Например, *ключ 1* (артефакт) – от *клюка* (изогнутая форма); *ключ 2* (родник) – от звукоподражания (звук падающих струй воды).

3) Семантические омонимы. Они возникают в результате распада полисемии слова, т.е. утраты связи между значениями одного многозначного слова. Такие омонимы восходят к одному слову. Но в ходе исторического развития значения обособливаются в самостоятельные слова-омонимы Ср.: *рак 1* (животное) и *рак 2* (болезнь); *долг 1* (*отдать долг кредитору*) и *долг 2* (*наш долг – защищать крепость до последней капли крови*).

Именно семантические омонимы вызывают в лингвистике наибольшее число дискуссий, ведь остатки общих компонентов могут ощущаться.

В качестве критерия противопоставления многозначного слова и семантических омонимов польский ученый Ежи Курилович предложил следующий. Бесспорным доказательством принадлежности разных значений к одному многозначному слову является неуникальность (т.е. регулярность) соответствующего семантического противопоставления.

Например: *Наш институт готовит экономистов. – Весь институт готовится к выборам нового Ученого совета.* Семантическая пропорция «учреждение» – «сотрудники учреждения» – неуникально (ср.: *Завод выпускает комбайны – Весь завод обсуждает план развития*).

Но этого критерия далеко не достаточно для разграничения омонимии и полисемии. Показательно, что часто семантические омонимы в одних словарях могут интерпретироваться как значения многозначного слова. Например, разные узуальные значения слова *язык* (1) «орган» – *высунуть язык*; 2) «орудие общения» – *знать пять языков*), рассмотрены в БАС и МАС как значения одного многозначного слова; в словаре Ожегова – как два слова-омонима.

Ю.Д. Апресян предложил в качестве необходимого критерия объединения узуальных значений в одно многозначное слово следующий: общая часть значений одного слова должна быть неэлементарной (нетривиальной). Это значит, что наличие у узуальных значений наиболее общих (элементарных, тривиальных) компонентов (ср.: [иметь], [предмет], [относиться к]) недостаточно для отнесения таких значений к одному многозначному слову. Общая часть таких значений должна быть более конкретной.

Но и этого признака недостаточно. Важно также место данных нетривиальных компонентов в структуре разных узуальных значений. Например,

- 1) *топить* печь дровами;
- 2) *топить* воск;
- 3) *топить* корабли противника.

Омонимы являются *топить*¹ ‘поддерживать огонь в печи’ и *топить*² ‘нагревая, растоплять’ имеют общий компонент [высокая температура]. То же самое можно обнаружить в отношении *топить*² ‘нагревая, растоплять (заставлять перейти вещество из твердого состояния в жидкое)’ и *топить*³ ‘бросая, погружая в воду, уничтожать’, ведь у них есть общая часть [жидкость]. Однако роль этих компонентов в структуре значений омонимов разная:

а) *топить*¹ ‘поддерживать огонь в печи’ – признак [высокая температура] – результат процесса горения; *топить*² ‘нагревая, растоплять’ признак [высокая температура] – условие для протекания процесса перехода вещества из твердого состояния в жидкое состояние);

б) *топить*² ‘нагревая, растоплять’ – признак [жидкость] – это результат процесса, а в *топить*³ ‘бросая, погружая в воду, уничтожать’ – среда (место) или орудие действия.

Естественно, с такой точки зрения наиболее подверженными к формированию омонимов являются метафорические значения (на это обращает внимание, например, Ю.Д. Апресян): они часто формируются на базе периферийных и коннотативных признаков (ср.: *молния во время грозы – телеграмма-молния – застужка-молния*). Общий компонент – [высокая скорость]. Это коннотативная сема в первичном значении. Но все словари дают эти значения не как омонимы, как узуальные значения одной лексемы.

Значит, большую роль в противопоставлении полисемии и омонимии играет субъективный фактор: насколько языковой коллектив ощущает связь между узуальными значениями, насколько важен для них этот возможный нетривиальный компонент. А языковому коллективу свойственно объединять в одно целое все, что имеет общую форму (ср. в шуточной поговорке: *хорошее дело браком не назовут* – обыгрывается именно это, хотя в данном случае обыгрывается именно осознаваемое отсутствие общих признаков).

В целом противопоставление семантических омонимов и значений многозначного слова имеет градуальный характер, и это отражает естественное развитие языка. Процесс расхождения значений, утраты общего компонента, на базе которого формируются вторичные значения многозначного слова, идет постепенно, сами значения диффузны. Поэтому возможна и разная интерпретация одних и тех же языковых фактов.

Семантическая структура многозначного слова. Эпидигматика.

Значения многозначного слова образуют структуру, потому что они связаны определенными отношениями. Внутрилексемные семантические отношения между узуальными значениями называются эпидигматическими (термин Д.Н. Шмелев). Соответствующий аспект лексико-семантической структуры языка — эпидигматикой.

Эти отношения можно рассмотреть с формальной и содержательной точек зрения.

С формальной точки зрения внутри многозначного слова выделяют два типа связей значений – радиальную и цепочечную.

При радиальной полисемии все значения имеют общую смысловую часть, которую называют инвариантом (или общим значением):

Например, все значения лексемы *игла* ('швейная принадлежность'; 'металлический стержень'; 'лист хвойных деревьев'; 'твердые, колючие образования на теле животных'; 'тонкий заостренный кристалл чего-либо'; 'острый шпиль здания'), имеют семантический компонент (инвариант, общее значение) – [острый предмет]. Другими словами, все производные значения мотивированы первичным значениям, производным от него.

При цепочечной полисемии каждое из значений слова непосредственно связано только с одним, а с другими – опосредованно.

Например, в слове *чай* непосредственно связаны значения 1 и 2 ('вечнозеленое дерево или кустарник, из высушенных листьев которого готовится ароматный напиток' – 'ароматный напиток, настоянный на этих листьях') значения 2 и 3 ('чаепитие'), а значения 1 и 3 связаны между собой посредством значения 2.

Значения многозначных слов могут образовывать смешанный, радиально-цепочечный тип. Так, у слова *голова* значение (1) 'часть тела человека или животного' радиально связано со значениями: (2) 'единица счета скота' (*стадо в триста голов*); (3) 'ум, сознание, рассудок' (*ясная голова*); (6) 'руководитель, начальник' (*голова всему делу*); (8) 'передняя часть движущейся группы' (*голова колонны демонстрантов*); (9) 'пищевой продукт в виде шара, конуса' (*голова сыру*). Значения 1 → 3 → 4 → 5 образуют цепочку: (4) 'умный человек' (*Он, брат, у нас голова!*) связано с первым через посредство значения (3); а (5) 'о человеке как носителе каких-либо качеств, свойств' (*ветренная голова*) с (3) через посредство (4). Еще одну цепочку образуют значения 1 → 6 → 7: значение (7) 'руководитель некоторых выборных органов' (*казачий голова*) связано с (1) через посредство (6).

С содержательной точки зрения отношения между значениями многозначного слова рассматриваются в динамическом аспекте, говорят о семантических операциях над значениями или переносах. Издавна эти связи делились на три основных типа: метафора, метонимия и синекдоха. Иногда в особый тип выделяют функциональный перенос.

Метафорическое отношение между значениями основано на сходстве, которое человек субъективно устанавливает между обозначаемыми явлениями (ср.: *швейная игла – хвойная игла; мяч докатился до ворот – как ты докатился до такой жизни?*). Связь между значениями слова на основе сходства функций обозначаемых объектов – это функциональный перенос (*язык* 'орган речи' и 'пленный' связаны по функции участия в передаче информации). Метонимические отношения между значениями основаны на смежности, объективной связи обозначаемых явлений, например, действие и

его субъект (*разведка боем – разведка вернулась к утру*), действие и место этого действия (*работа на станке – надо идти на работу*). Синекдоха – это связь между значениями, основанная на отношении «часть — целое», ср.: *народом* мы называем все население государства (*народы Европы*) и трудовую часть такого населения (*надо быть ближе к народу*).

Полисемия присуща всем языкам мира, но конкретные ее типы, конкретные системы значений существенно различаются по языкам. Особое место здесь занимают системы метафорических переносов, поскольку в их основе лежит субъективный фактор, отражающий взгляд конкретного народа на окружающую действительность. Например, в русском языке попугаем мы назовем безвкусно, кричаще одетого человека, а в узбекском – красиво одетого; в русском языке женщина с плавной походкой ассоциируется с павой и лебедушкой, а в индийских языках – со слоном, в русском языке ребенка мы назовем котенком, а в узбекском – верблюжонком.

В работах представителей Московской семантической школы традиционные отношения близости между значениями слов моделируются как отношения, основанные на совпадении определенных фрагментов семантической структуры, соответствующих каждому из ЛСВ лексемы. Отношения метонимии и синекдохи при этом оказываются основанными на совпадении частей толкования, а метафора — на совпадении компонентов толкования одного ЛСВ с компонентом коннотаций другого.

В когнитивной семантике те же отношения переосмысляются в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации, например, таких как *фрейм* – структура данных об определенной сфере человеческого опыта, элементы которой называются *слотами*. Многозначность, основанная на метонимии, будет трактоваться как перенос наименования с одного слота фрейма на другой. Так, имя *мысль* может обозначать: 1. «процесс мышления» (*трудно проследить за твоей мыслью*); 2. «инструмент мышления» (ср. *Силой своей мысли он преодолел пространство и время*); 3. «идеальный объект — содержание недифференцированного ментального состояния (ср.: *Мысль, что сын подвергается опасности, не давала покоя; О бедность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь человека*); 4. «результат ментального действия» (*Он пришел к мысли о необходимости введения президентского правления*); 5. «область, где разворачиваются ментальные действия (*В мыслях он видел себя министром*); 6. «философия как некоторая совокупность результатов ментального действия (*Объектом его анализа была русская мысль первой половины XIXв.*). Кроме того, имя *мысль* переносится и на связанный с фреймом *мысли* фрейм семиотической, или информационной

деятельности, где выступает в качестве имени, обозначающего информацию, заключенную в сообщении (ср. *Постараюсь донести до вас основную мысль его выступления*).

Когнитивисты Дж. Лакофф и М. Джонсон предложили новую трактовку метафоры в рамках теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 1983].

Концептуальная метафора неформально определяется как способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника (source) в область-мишень (target) те когнитивные структуры (фреймы, образные схемы и т. п.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. Метафорические отношения между значениями многозначных слов и метафорические выражения — это отражения концептуальных метафор в языке. Например, метафорическое выражение *Наши отношения зашли в тупик* и реализованное в нем метафорическое значение слова *тупик* служат отражением концептуальной метафоры «любовь — это путешествие», переносящей понятия и связи, характеризующие путешествие, на понятийную сферу, связанную с чувством любви (см. таблицу):

Область-источник	Область-мишень
Путешествие →	Любовь
путешественники →	Любящие
средство передвижения →	Отношения
место назначения →	Цели в жизни
преграды →	Трудности
развилки →	решающие моменты

Теория концептуальной метафоры, развиваемая в работе [Lakoff 1993] содержит следующие важные положения:

- 1) Метафора — важный механизм, при помощи которого мы осмысливаем абстрактные понятия и рассуждаем о них,
 - 2) Метафора по своей природе не языковое, а концептуальное явление.
 - 3) Метафорический язык — это поверхностное проявление концептуальной метафоры.
 - 4) Метафорическое понятие основано на неметафорическом понятии, т.е. на нашем сенсомоторном опыте.
 - 5) Метафора основана скорее на соответствиях в нашем опыте на сходствах. Область-источник и область-цель по своему существу не связаны,
- Примеры концептуальной метафоры времени

6. Экспериментальные методы верификации семантических гипотез.

Основное содержание. Эксперимент с контекстами употребления (эксперимент Л.В.Щербы). Эксперименты с использованием самих денотатов или их изображений. Семантические тесты: на свободную интерпретацию, вопросно-ответный, имплицативный и др. Ассоциативные эксперименты.

Текст лекции.

Как и в прежние времена, основным методом исследования означаемого слова в лексической семантике остается интроспекция, т. е. наблюдение семасиолога над теми ментальными объектами и процессами, которые связаны с данным словом в его собственном сознании. Естественно если объектом семантического исследования является родной язык, то лингвист, будучи его носителем, может полагаться на собственное чутье языка и делать выводы о значении слова, опираясь на собственную интуицию, на то, как он сам употребляет и интерпретирует слово. В случае изучения семантики неродного языка семантический анализ должен обязательно опираться на корпус употреблений изучаемых слов с их контекстами, извлекаемый из различных текстов устной и письменной речи, признаваемых авторитетными образцами соответствующего литературного языка или какого-либо из его подязыков. И те правильные употребления слова, которые лингвист порождает сам, и те, которые он извлекает из текстов, образуют, так сказать, «положительный» языковой материал, осмысливая который лингвист формулирует для себя гипотезу о семантических свойствах изучаемых единиц.

Эксперимент в семантике служит для того, чтобы подтвердить или опровергнуть семантические гипотезы, выдвигаемые на основе наблюдений над употреблениями, которые признаются правильными.

Экспериментировать лингвист может и с собственным языковым сознанием, если он изучает родной язык, и с сознанием других носителей языка (что необходимо при изучении неродного языка).

1). Экспериментирование с контекстами употребления

Важнейшим видом эксперимента, применяемым в лексической семантике является эксперимент, введенный в отечественную лингвистику Л. В. Щербой. Сущность его применительно к задачам лексической семантики заключается в том, что исследователь для проверки правильности своих предположений о значении того или иного слова должен «пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить)»,

применяя это слово [Щерба 1974: 32]. Получаемый в результате такого эксперимента языковой материал будет содержать (наряду с правильными, возможными фразами с данным словом, также и неправильные, отклоняющиеся от нормы и по этой причине никогда не встречающиеся в текстах, воплощающих языковую норму. Эти неправильные фразы образуют так называемый «отрицательный языковой материал», роль которого в семантическом исследовании громадна, поскольку на его основе можно выявить те элементы значения слова, которые препятствуют его употреблению в данном контексте. Иными словами, в ходе этого эксперимента лингвист порождает семантически аномальные фразы с данным словом, и проверяет, можно ли на основе его предположения о значении некоторого слова объяснить аномальность его употребления в заданном контексте. Если можно, то это подтверждает гипотезу, если нельзя, то значит первоначальную гипотезу нужно корректировать.

Например, если мы предположили, что в значение глагола *предлагать* (X предлагает \forall -у P) входит компонент ' X считает, что Y может быть заинтересован в P' ', на что указывают типовые употребления вроде *Он предложил мне сыграть в шахматы / выпить чаю / интересную работу* и т. п., то мы будем подставлять это слово в контексты, в которых X никак не может считать, что предлагаемое действие в интересах Y -а, например, в контекст, в котором X в грубой форме побуждает Y -а покинуть помещение, считая, что по своей воле Y этого не сделает. Фраза *Он предложил мне убираться вон* явно аномальна, что объясняется исходной гипотезой и тем самым подтверждает ее. Аналогичным образом аномальная фраза *Заклученный ночью расколол решетку на окне камеры и бежал* подтверждает предположение о том, что объект действия расколоть должен быть из хрупкого материала, поскольку отсутствием именно этого свойства у тюремных решеток естественно объясняется неправильность употребления глагола в данном контексте.

2). Эксперименты с использованием денотата слова

Этот тип экспериментов предполагает использование самих предметов или физических явлений, входящих в денотат слова, или их изображений и, естественно, применяется прежде всего при семантическом описании конкретной лексики. Обычно такие эксперименты проводятся с привлечением информантов-носителей языка.

Цель таких экспериментов — установить, от какого именно параметра предмета или явления зависит возможность употребить для его обозначения конкретное слово. Характерный пример подобного эксперимента описан в работе У. Лабова «Структура денотативных значений», посвященной исследованию значений слов, обозначающих сосуда в разных языках.

Эксперимент состоит в том, что информантам показывают различные изображения сосудов в случайном порядке и просят назвать очередной сосуд. В изображениях варьируются следующие/ параметры:

- отношение ширины сосуда к высоте;
- форма (чашеобразная, цилиндрическая, усеченный конус, призма);
- наличие/отсутствие ручки;
- наличие / отсутствие ножки.

Кроме самих изображений варьируется «контексте, в котором фигурирует предмет: 1) «нейтральный», т.е. вне ситуации; 2) «кофе» — назвать сосуд в ситуации, когда некто, помешивая ложечкой сахар, пьет кофе из этого сосуда; 3) «пища» — сосуд стоит на обеденном столе и наполнен картофельным пюре; 4) «суп»; 5) сосуд с цветами, изображенный стоящим на полке. Варьируется и материал, о котором информантам сообщалось устно. Анализ ответов информантов позволяет выявить зависимость употребления каждого слова от определенных свойств денотата. Эти свойства, а также их отражение в сознании носителей языка и будут кандидатами в дифференциальные семантические компоненты, составляющие значение данного слова. Среди них при этом выделяются категориальные компоненты, образующие необходимые условия применения данного слова. Например, англ. *goblet* «бокал» в качестве категориального признака имеет «наличие ножки»: слово *goblet* никогда не используется, если у сосуда нет ножки. Нем. *glas* «стакан» используется, только если сосуд сделан из стекла. Другой вид компонентов — вероятностные: они отображают такие свойства, которые обычно, но не всегда имеют денотаты, обозначаемые данным словом. Например, сосуд, обозначаемый английским словом *cup* «чашка», обычно имеет ручку, но, как показал эксперимент, это не обязательно для называния сосуда этим именем.

Интересный эксперимент провела О. Н. Селиверстова для уточнения значений глаголов *блестеть*, *сверкать*, *мигать*, *мерцать*. В ходе эксперимента использовался вращающийся диск со щелями и источник света, помещенный позади диска. Варьировались поочередно 3 параметра:

- частота появления светового импульса;
- его интенсивность (яркость);
- скорость изменения освещенности сетчатки глаза.

Оказывается, например, что осуществляемый носителями русского языка выбор между *мерцать* и *мигать* зависит от частоты появления светового импульса: реже, чем 3 раза в секунду — *мигать*, чаще, чем 6 раз в секунду — *мерцать*.

Когда мы имеем дело с абстрактной лексикой или со словами конкретной семантики, обозначающими предмет или ситуацию, которые

трудно непосредственно предоставить для эксперимента, объект или ситуация задаются не при помощи изображений или приборов, а словесными описаниями. Например, мы можем спросить себя или информанта, можно ли назвать костром горящую лужу керосина на пустыре, или может ли куча дров, горящая в печке, называться костром и т.д.

3). Семантические тесты

В исследованиях по лексической семантике используется целый ряд тестов разного типа, которые применяются как для выявления определенных семантических характеристик слова, так и для проверки семантических гипотез. Многие из них были выработаны в рамках компонентного анализа лексического значения (см. [Бендикс 1983]). Ниже мы рассмотрим некоторые примеры подобных тестов.

1. Тесты на свободную интерпретацию

Суть их состоит в обращении к информанту с просьбой проинтерпретировать (эксплицировать, разъяснить) то или иное выражение или различие между двумя выражениями. Лингвист обращается к информанту с вопросами типа: *Что это значит?* или *Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по Вашему мнению, он имел бы в виду?*

Если мы хотим выяснить семантическое различие между двумя словами, мы строим тестовые фразы как минимальные пары, т. е. они должны совпадать во всем, кроме одной лексемы. Так, если нас интересует, в чем разница между *просить* и *приказывать*, мы обратимся к информанту с вопросом:

«В чем разница в значении между *Он попросил меня сделать это* и *Он приказал мне сделать это*?»

Можно провести этот тест и с использованием другой тестовой фразы, которая строится по формуле:

не P, а Q: Он не просил меня сделать это, он приказал мне это сделать.

Этот вариант теста предпочтителен, потому что парадигматическая оппозиция подкрепляется синтагматическим противопоставлением, исключающим то, что информант будет связывать с двумя разными предложениями две разных интерпретации.

Тест срабатывает только в том случае, если из двух значений – *P* и *Q* – входит в другое, т. е. слова связаны гипонимической корреляцией, или если они — различные значения одного и того же слова, т. е. связаны корреляцией несовместимости или антонимии.

Этот тест может использоваться на этапе формирования семантической гипотезы.

Когда мы уже имеем гипотезу, мы можем проверить ее правильность с помощью более жестких тестов с несколькими альтернативными ответами.

Примером такого теста является имплицативный тест.

2. Имплицативный тест

В имплицативном тесте тестовые фразы оформляются в виде энтимемы (свернутого силлогизма, большая посылка которого скрыта). Информанта просят оценить, истинно ли высказывание Б, когда истинно высказывание А. Высказывание А — меньшая посылка, высказывание Б выражает проверяемый гипотетический компонент значения фразы А и в структуре силлогизма выступает как его заключение. Так, если мы предполагаем, что в значение глагола *Х приказывает Y-у Z* входит компонент '*Х считает, что Y должен делать Z*', мы спрашиваем информанта:

«При условии, что высказывание *Он приказал мне сделать это* истинно, истинно ли следующее высказывание: *Он считает, что я должен сделать это?*»

Другой вариант оформления имплицативного теста: Информантам предъявляется пара предложений — А и Б, например:

А: *Петя сейчас спит.*

Б: *Петя сейчас отдыхает.*

и информант должен, поразмыслив над ними, дать ответ в соответствии с инструкцией:

«Предположив, что А истинно, подумайте, является ли истинным Б. Если вы думаете, что Б должно быть истинным, пишите ДА. Если вы думаете, что Б не может быть истинным, пишите НЕТ. Если вы думаете, что Б может быть, а может и не быть истинным, пишите ДА / НЕТ.»

Если положительный ответ дают не менее 80 процентов информантов — это свидетельство того, что проверяемый семантический компонент действительно присутствует в составе значения исследуемого глагола. Собственно, утверждение о вхождении компонента Б в семантическую структуру А и составляет скрытую большую посылку силлогизма (в нашем примере это *Если X спит, то X при этом отдыхает*).

3. Вопросно-ответный тест.

Вопросно-ответный тест строится в форме пары «общий (да-нет) вопрос — полный ответ» с опущением самих частиц *да / нет*. Информанта просят подставить в ответ соответствующую частицу.

Мы использовали этот тест для установления границ семантического глаголов речи в русском языке (Кобозева 1985|, проверяя с его помощью, является ли претендент на вхождение в это поле гипонимом глагола

В синтаксисе принято разграничивать предложение и высказывание. Такое противопоставление связано с дихотомией язык / речь. Подобно семантике слова в синтаксисе различают значение и смысл.

План содержания предложения (язык) – значение; план содержания высказывания (речь) – смысл (актуальное значение).

Языковое значение предложения – это та информация, которая закодирована языковыми средствами, которую может извлечь из предложения любой носитель языка, опираясь только на лингвистические знания (знание значений слов, синтаксических конструкций, морфологических форм, интонации и т.п.).

Актуальное значение высказывания – это вся информация, которую носитель получает, опираясь не только на лингвистические знания, но и на его знания о мире, о коммуникативной ситуации и т.п.

Пример 1. (приведен Ю.Д. Апресяном)

Он проплыл 100 м кролем за 45 секунд.

Языковое значение: «Плывя стилем кроль, он покрыл расстояние в 100 метров и затратил на это 45 секунд».

Актуальное значение (смысл):

А) При обращении к энциклопедическим знаниям (сведения о мировых достижениях в этом виде спорта) можно сделать вывод о феноменальном рекорде.

Б) Если эту информацию тренер сообщает конкуренту, у которого результат хуже, накануне соревнования, то мы можем заключить, что тренер хочет сказать, что его ученика, по-видимому, ждет поражение.

Примером противопоставления языкового значения предложения и смысла высказывания может служить отрывок из «Последнего дозора» А. Лукьяненко. Антон Городецкий едет в Самарканд, а его учитель – Гессер – не «вкладывает» в ученика знание узбекского языка. После того как Антон выслушал объяснения (по-русски) о наведенной порче на старого мужа (с явным неосуждением этого поступка жены), Антон замечает: «Знание языка здесь бы не помогло. Надо знать менталитет».

2. Семантически правильные и семантически аномальные предложения

Проблема аномальности (неправильности) предложений – одна из важных проблем синтаксической семантики. О значении слова вне контекста мы не можем сказать, правильное оно или аномальное (речь не идет о знании значения и т.п.). Но предложение не воспроизводится, как слово, а создается человеком. Это сложный знак. Поэтому предложение может быть оценено как правильное или неправильное. Способность отличать правильные

предложения от неправильных (аномальных) является первым необходимым условием владения языком.

Причин неправильности (аномальности) предложения может быть несколько, причем их природа (языковая и внелингвистическая) может быть разная.

Типы аномальных предложений

1). Грамматически аномальные предложения. Их аномальность связана с нарушением чисто грамматических правил построения предложения в данном языке.

Пример 1.

Я любишь русская языком. (Я люблю русский язык).

Объяснение таких аномалий – задача грамматики. С семантической точки зрения такое предложение остается осмысленным, не нарушающим наших представлений о том, что могло бы быть на самом деле.

Это явление, например, характерно для иностранцев, плохо владеющих языком. Это может быть просто опечатка, описка. Но в принципе семантику даже такого предложения мы можем понять. С чисто семантической точки зрения оно не является дефектным.

2). Синтетически ложные предложения. Их дефект связан с тем, что содержание предложения не соответствует действительности, в которой мы живем.

Пример 2.

Россия – родина слонов.

Но такое синтетически ложное предложение остается осмысленным. (Оно будет истинным в другом типе дискурса – в каком-либо, например, воображаемом мире). С точки зрения лингвистики (формальной-грамматической и семантической) оно будет не аномальным, а семантически правильным.

В нашей действительности оно становится истинным, если утвердительное предложение заменить на общеотрицательное: *Россия – не родина слонов.*

3) Синтетически бессмысленные предложения. Такие предложения не могут быть оценены как истинные или ложные, поскольку в них некоторое свойство отнесено к объекту, не существующему в нашей действительности (в данном типе дискурса).

Пример 3.

Крылья слонов похожи на крылья летучих мышей. – Крылья слонов не похожи на крылья летучих мышей.

В отличие от синтетически ложных предложений (второй тип – пример 2: *Россия – родина слонов*) бессмысленные предложения останутся

бессмысленными при отрицании. Но в другом типе дискурса (например, в воображаемом мире) оно может стать осмысленным.

Чтобы осознать аномальность следующих типов дефектных предложений, не надо обращаться к знаниям действительности.

4) Аналитически ложные предложения. Они содержат логически противоречивое утверждение (контрадикцию). Такого рода предложения будут ложными в любом типе дискурса.

Пример 4.

Муж Ирины – холостяк.

Аналитическая истинность или ложность предложения зависит не от действительности, а в силу своего языкового значения. Логическое противоречие связывает значение слов *муж* и *холостяк* – одно противоречит другому, поскольку одно и то же лицо в одном и том же мире одновременно входит в два противоположных множества – лиц, состоящих в браке и не состоящих в браке.

5) Аналитически истинные предложения. Они истинны во всех возможных мирах (во всех типах дискурса).

Пример 5.

Муж Ирины женат.

Источник их аномальности – тавтология: такие предложения не содержат никакой новой информации о предмете речи – по сравнению с той, которая уже входит в языковое значение обозначающего этот предмет выражения (в данном случае – *муж / женат*). Тавтология нарушает основной принцип коммуникации: высказывание должно быть информативно.

6) Бессмысленные (аналитически) предложения. источник их аномальности – бессмыслица.

Пример 6.

Муж Ирины крупнокалиберный.

В отличие от аномалии 2 (синтетически ложные предложения: *Россия – родина слонов*) здесь трудно представить мир, в котором это утверждение было бы истинным.

В отличие от аномалии 4 (аналитически ложные предложения: *Муж Ирины – холостяк*), где источником аномалии является логическое противоречие, здесь источником аномалии становится категориальная несовместимость (категориальная ошибка): объекту, принадлежащему к одному семантическому классу, приписывается свойство объекта другого семантического класса. В данном случае живому существу приписывается свойство военного артефакта.

Аналитическая аномальность (логическое противоречие и категориальная ошибка) может быть проиллюстрирована известным примером американского лингвиста Наума Хомского:

Пример 7.

Colorless green ideas furiously sleep (Бесцветные зеленые идеи яростно спят) (логическое противоречие (контрадикция) – бесцветные / зеленые) и бессмыслица – категориальная ошибка (*идеи – спят* – абстрактной сущности приписывается состояние человека / животного; *яростно – спят* – пассивному состоянию приписывается признак, который проявляется только в действии; *бесцветные / зеленые – идеи* – абстрактной сущности приписывается признак, который присущ только конкретным, визуально воспринимаемым предметам).

Хотя все аналитически аномальные предложения (4-6: основаны на логическом противоречии, тавтологии и категориальной ошибке) аномальны, они в принципе не противоречат языку: в определенных контекстах они могут получить «нормальную» интерпретацию. Поэтому некоторые ученые (например, Ю.Д. Апресян) считают, что их надо исключить из состава семантических аномалий.

Аналитически аномальные предложения могут стать источником регулярных языковых явлений:

А) стилистические фигуры:

- оксюморон – сочетаемость не сочетаемого (*живой труп; Я памятник себе воздвиг нерукотворный*) – основан на логическом противоречии и категориальной ошибке;
- олицетворение (*совесть спит*) – основан на категориальной ошибке;
- метафора (*тоска зеленая – фразеологизм; фаршированная голова* – у Салтыкова-Щедрина; *крыша поехала* – в сленге о глупости, удивлении и т.п.) – основан на категориальной ошибке.

Пример 8.

Ср. стихотворение А. Фета, построенное на метафоре и олицетворении (сплошные категориальные ошибки!):

*Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!..*

Б) Особые тавтологические конструкции (*На войне как на войне; дети есть дети; женщина есть женщина; француз есть француз*). Это псевдотавтология, поскольку такие конструкции несут новую информацию – устойчивые коннотации (женщины обычно любопытны, любят наряды; французы обычно галантны и т.п.).

Помимо указанных аномалий выделяются другие типы аномальных предложений, аномальность которых связана с языком. В отличие от аномалий 4-6 они не могут быть в определенных контекстах быть признанны «нормальными». Этот тип аномалий может быть отнесен к «речевым ошибкам».

Аномальные предложения, расцениваемые как речевые ошибки:

7) Речевые ошибки, основанные на противоречии.

Пример 9.

Муж Ирины абсолютно лысоват.

Пример 10.

Открой-ка же окно!

Как и в аномалии 4 (контрадикция: *Муж Ирины – холостяк*), здесь есть противоречие:

пример 9: суффикс *-оват* имеет значение «в небольшой степени», тогда как наречие *совершенно* указывает на «абсолютную степень»;

пример 10: частица *-ка* – «смягченное побуждение»: слушающий понимает, что он может и не осуществлять действие, к которому его побуждают; частица *же* – «категоричное побуждение»: слушающий понимает, что, по мнению говорящего, он обязан осуществлять действие, к которому его побуждают.

8) Стилистическая несовместимость (стилистические ошибки).

Данная аномалия, как и аномалия 6: *Муж Ирины крупнокалиберный* связана с несовместимостью. Но в этом случае несовместимость (ошибка) стилистическая, а не категориальная.

Пример 11.

Очи болят, надо показаться окулисту (совмещение книжного поэтизма и научного термина).

Пример 12.

Как сообщают официальные источники, министерство финансов нарыло компромат на руководство банка (официально-деловой стиль и уголовное арго).

Пример 13 (Кобозевой).

Во стольный город во Киев с официальным визитом приехал высокий гость (фольклорный стиль и официально-деловой стиль).

Все перечисленные типы семантических аномальностей (1-8) относятся к абсолютным:

а) они аномальны в силу антологических (сущностных) и гносеологических (познавательных) представлений об устройстве мира;

б) они не зависят от мировоззрения говорящего.

9) Но возможны и относительные семантические аномальности, которые зависят от мировоззрения говорящего (система ценностей; политические убеждения; культурные, сословные традиции и т.п.).

Пример 14.

Он депутат, но человек приличный. Существительное *депутат* и прилагательное-признак *приличный* (данные категории не противоречат друг другу, поэтому аномально включать их в конструкцию с противительным союзом *но*). Но в речи определенного обывателя, который (в соответствии со своим опытом или предубеждениям) считает, что власть и этика не совместимы, это предложение «правильное».

Пример 15.

Хотя Anne 18 лет, но у нее уже двое детей. (Для носителя европейской культуры это предложение «нормальное», а для представителя многих азиатских культур, где выходят замуж в 14-15 лет, это предложение будет аномальным).

Пример 14.

Он депутат, но человек приличный.

Пример 15.

Хотя Anne 18 лет, но у нее уже двое детей.

Вывод:

1) Некоторые виды аномальности предложений (противоречие, тавтология, бессмыслица, стилистическая несовместимость) может быть объяснена в рамках семантической теории языка, оперирующей значениями изолированных слов (вне контекста):

а) противоречие – приписывание одному классу объектов признаков другого класса (предмет и предикат несовместимы): *муж холост; зеленая идея;*

б) тавтология – избыточно повторное приписывание объекту одного и того же признака-предиката (*муж женат*);

в) бессмыслица – несоответствие одной из соединяемых единиц сочетаемостным свойствам другой (*муж крупнокалиберный*);

г) стилистическая несовместимость – несовместимость стилистических характеристик соединяемых единиц (*окулист осмотрел мои очи*).

2) Для анализа других видов аномальности необходимо обращение к контексту, к знанию всей коммуникативной ситуации, особенностям дискурса и т.п.

8. Метаязыки описания семантики предложения-высказывания.

Основное содержание. Словарь и синтаксис (грамматика) семантического метаязыка. Метаязыковые средства для отражения различных аспектов смысла предложения-высказывания. Разнообразие семантических репрезентаций речевого отрезка, получаемых при применении разных метаязыков.

Текст лекции.

Наряду со способностью отличать правильные предложения от аномальных, владение языком подразумевает также способность устанавливать логико-семантические отношения между предложениями. Это второе условие владения языком.

Логико-семантические отношения (или просто семантические отношения) между предложениями — это отношения, основанные на условиях истинности.

Чтобы разобраться в таких отношениях рассмотрим пример Кобозевой.

Пример 16.

1. Р. *Старший сын Анны уехал из Варшавы в Сорбонну учиться.*

Если это предложение истинно, то будут истинными и такие предложения (2):

2.1. Q₁. *У Анны есть сын* (словосочетание *сын Анны* имеет значение бытия / принадлежности).

2.2. Q₂. *У Анны есть не менее 2 сыновей.* (если есть *старший* сын, то должен быть и младший).

2.3. Q₃. *Этот сын некоторое время жил в Варшаве* (если он уехал из Варшавы, значит, он жил там какое-то время).

2.4. Q₄. *Этот сын закончил среднюю школу* (Сорбонна – вуз, куда без среднего образования поступить нельзя).

2.5. Q₅. *Этому сыну не меньше 16 лет* (Среднее образование в Европе обычно начинается в 5-7 лет и длится 10-12 лет).

Между предложением 1 и всеми предложениями группы 2 есть определенная зависимость, основанная на отношениях истинности: «Если истинно предложение 1, то истинно предложение 2.1»; «Если истинно

предложение 1, то истинно предложение 2.2» и т.п. Но основания для такого утверждения в разных предложениях второй группы разные:

1) 2.1.-2.3. – истинность непосредственно вытекает из языковых значений компонентов исходного предложения 1 (см. комментарий).

2) 2.4.-2.5. – истинность вытекает из знаний о мире.

Если вы помните, то на первой лекции мы говорили о двух типах семантики:

а) узкая, формальная, изучающая изолированное слово и изолированное предложение);

б) широкая, изучающая слово и предложение / высказывание в тексте / дискурсе.

Узкая (формальная) семантика исследует отношения $1 \rightarrow 2.1, 2.2., 2.3.$, а отношения $1 \rightarrow 2.4, 2.5.$ исследует только широкая семантика.

Цель узкой семантической теории предложения – выработать систему правил, которые констатируют наличие или отсутствие определенных семантических отношений между предложениями (исходным и производным) на базе формального семантического описания.

Формальное семантическое описание – это семантическое представление (или семантическая репрезентация / интерпретация) предложения.

Такое формальное описание (репрезентация) включает в себя выявление нескольких типов отношений между предложениями.

Отношения между предложениями, используемые для семантического описания (репрезентации):

- 1) Отношения следования.
- 2) Отношения противоречия.
- 3) Отношения синонимии.

1) Наиболее важным типом отношений является отношение следования (= вынуждения).

Семантическое представление при этом выглядит следующим образом:

Носитель языка, которому предъявлено предложение Р, строит ряд других предложений (Q_1, Q_2, Q_3 и т.д.), которые являются следствием из предложения Р.

Отношения следования имеют две разновидности:

а) импликация – отношение следования подчиняется закону контрапозиции: Р имплицирует Q, если Р влечет Q, а отрицание Q влечет отрицание Р.

Пример 17.

Р: Ваня и Петя – мои сыновья. \rightarrow Q: Петя – мой сын.

\sim Q: Петя – не мой сын. $\rightarrow \sim$ Р: Ваня и Петя – не мои сыновья.

б) пресуппозиция (презумпция) – отношения следования подчиняется закону: Q является пресуппозицией P, если утверждение P и отрицание P (~P) влечет за собой Q.

Пример 18.

P: Петя переплыл Днепр. → Q: Днепр – река.

~ P: Петя не переплыл Днепр. → Q: Днепр – река.

Пресуппозиция может быть истинной и ложной.

При этом ложность пресуппозиции (Q) влечет за собой то, что P не является ни истинным, ни ложным, оно бессмысленно (!).

Пример 19.

P: Петя переплыл Киев (бессмыслица). → Q: Киев – река (ложное утверждение).

~ P: Петя не переплыл Киев (бессмыслица). → Q: Киев – река (ложное утверждение).

Именно истинность пресуппозиции Q является условием осмысленности P (ср. аномальное предложение 3 – синтетически бессмысленное предложение):

P: Крылья слонов похожи на крылья летучих мышей. → Q: Слоны имеют крылья (ложное утверждение).

~ P: Крылья слонов не похожи на крылья летучих мышей. → Q: Слоны имеют крылья (ложное утверждение).

Как отмечалось, отношения следования (импликация и пресуппозиция) являются наиболее значимыми, но не единственными при формальном семантическом описании предложения (семантической репрезентации). Но другие типы отношений определяются через отношения следования.

2) Отношения противоречия.

Предложение Q противоречит предложению P, если из предложения P следует предложение не-Q. Q противоречит P, если P истинно, а Q ложно.

Пример 20.

P. *Старший сын Анны уехал из Варшавы в Сорбонну учиться.* (истинно)

Q. *У Анны один сын.* (ложно).

не-Q. *У Анны не один сын.*

Отношения следования при противоречии связывает P и не-Q.

3) Отношения синонимии.

Предложение Q синонимично (эквивалентно) предложению P, если из предложения P следует предложение Q, из предложения Q следует предложение P. Другими словами, это отношения взаимного следования.

Пример 21.

P. *Иван выше Петра.*

P. *Петр ниже Ивана*

Q. *Петр ниже Ивана.*

Q. *Иван выше Петра.*

Ср. отсутствие синонимии (эквивалентности) у глаголов *прекратить* и *закончить*:

Пример 22.

R. *Иван закончил работу.* (истинно)

Q. *Иван прекратил работу.* (истинно)

Q – следствие R.

Q. *Иван прекратил работу.*

R. *Иван закончил работу.* – нет отношений следования (мог прекратить работу, не закончив ее).

Вывод:

Предложение – сложный знак, его значение представляет собой сложную структуру. Один из способов реконструкции семантики предложения, не выраженной прямо, недоступной непосредственному наблюдению (имплицативная часть семантики предложения), – установление отношений между предложениями, наиболее значимыми между которыми являются отношения следования (пресуппозиция и импликация).

9. Семантические процессы в речевой деятельности (начальные представления).

Основное содержание. Общение как совместная когнитивно-коммуникативная деятельность. Понимание и вербализация как основные семантические процессы. Факторы и типы понимания.

Текст лекции.

1) Пропозиция

Предложение, как и слово, служит средством отражения, моделирования внеязыковой действительности. Эту функцию называют по-разному: когнитивная, денотативная, референтивная (Якобсон), дескриптивная (Лайонз), репрезентативная или идеационная (Хэллидей). Этой функции языка соответствует определенный компонент плана содержания предложения — *пропозициональный*, или пропозиция.

Пропозиция – это объективный компонент содержания предложения, семантический инвариант, общий для всех членов парадигмы предложения (модальной парадигмы и коммуникативной парадигмы).

Сравним следующие предложения:

- 1) *Петя уезжает.*
- 2) *Петя уезжает?*

- 3) *Уезжай, Петя.*
- 4) *Если бы Петя уехал!*
- 5) *Уехал бы Петя.*
- 6) *Уезжает Петя.*
- 7) *Разве Петя уезжает?*
- 8) *А Петя-то уезжает.*

При всем различии значений этих предложений в них есть существенная общая часть. Все они называют некоторый объект (Петя) и приписывают этому объекту некоторое свойство. Говоря иными словами, эти предложения вводят в рассмотрение одно и то же положение дел, а именно ситуацию отъезда Пети. Этот компонент, отражающий внеязыковую ситуацию, описываемую предложением, можно называть его объективным содержанием [Langacker 1975], в отличие от прочих компонентов, которые так или иначе связаны с отношением говорящего к описываемой ситуации, с тем, в какой перспективе она осмысливается и потому относятся к сфере субъективного.

Так, помимо обозначения ситуации «отъезд Пети» предложение 1) включает такие субъективные компоненты, как:

- а) говорящий считает истинным то, что Петя уезжает и хочет, чтобы слушающий знал, что это истинно;
- б) мысль говорящего движется от объекта «Петя» к свойству, а не иначе.

В предложении (2) есть субъективный компонент:

'говорящий не знает, истинно ли то, что Петя уезжает, и хочет, чтобы слушающий сказал ему это' и т.д.

За объективным компонентом содержания предложения в лингвистической семантике закрепилось название пропозиционального компонента, пропозиционального содержания или же просто пропозиции предложения.

Термин «пропозиция» пришел в лингвистику из логики. В логике понятие пропозиции прошло следующие этапы развития. Сначала, в классической логике, оно соответствовало понятию суждения, как определенной формы мысли, утверждающей или отрицающей нечто о предметах действительности и обладающей свойством выражать либо истину, либо ложь. Примеры суждений: *Человек смертен. Змеи не имеют ног.*

В конце 19-го – начале 20-го в. (вслед за Фреге, который отделил мысль от акта ее утверждения говорящим) под пропозицией стали понимать не все содержание предложения, а только ее часть. Это «объективированное» содержание мысли, которое было отделено от коммуникативной цели

утверждения или отрицания, при этом пропозиция уже характеризовалась не как выражение истинное или ложное, а как способное выразить истинностное значение, соединяясь с коммуникативной целью утверждения. Так, пропозиция «Змеи имеют ноги», соединяясь с модусом утверждения, образует суждение *Змеи имеют ноги*, которое в действительном мире имеет значение «ложь». И наконец, был сделан вывод о том, что «объективированное» содержание мысли, т.е. пропозиция, имеется не только в утверждении или отрицании, но и во всех других коммуникативных типах предложений. Любое предложение, кроме таких восклицаний, как *Ай!* или *Чёрт!*, имеет пропозициональное содержание.

Итак, пропозициональный компонент смысла предложения — отображение некоторой ситуации, некоторого фрагмента действительности. Такое отображение осуществляется благодаря тому, что основу пропозиции образует структура, изоморфная структуре ситуации — *предикатно-аргументная, или реляционная структура*. Рассмотрим этот аспект пропозиционального содержания предложения подробнее.

2) Предикатно-аргументная, или реляционная структура пропозиции

В общем случае ситуация представляет собой некоторое множество объектов, обладающих определенными свойствами и связанных определенными отношениями. Соответственно этому в структуре пропозиции выделяются два основных типа составляющих:

А) *термы*, или *имена*, которые отображают сущности, объекты, являющиеся участниками ситуации (термы способны к референции),

Б) *предикаты*, обозначающие свойства объектов и отношения между ними (предикаты способны приобретать модальные и временные характеристики).

Так, в пропозиции предложения *Иван подарил Маше цветы* имеются термы *Иван*, *Маша*, *цветы*, соответствующие объектам, участвующим в описываемой ситуации, и предикат *подарить*, соответствующий тем отношениям, которые связывают данные объекты, тем действиям, которые они производят или которые производятся над ними

Предикат является главным, определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся! Действительно, сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства. Ср.: *Иван продал Маше цветы*; *Иван отнял у Маши цветы*. Тогда как, например, терм *цветы* может быть использован в самых разных ситуациях — выращивание цветов, их

жизнедеятельность (расцвели, завяли) и т.д. Предикат определяет ситуацию, так как он указывает на определенный тип отношений на множестве объектов: определяет характер этих отношений, количество их членов и их роли.

Термы могут подразделяться на две группы в зависимости от роли, которую они играют в выражении ситуации:

1) *аргументы* предикаты (или *актанты* предикаты) – это термы, обозначающие обязательных участников ситуации, определяемой некоторым предикатом;

2) *сирконстанты*, или *адъюнкты* – это факультативные термы, обозначающие разнообразные обстоятельства ситуации.

Предикаты отличаются друг от друга по нескольким признакам.

(1) По количеству аргументов предикаты подразделяются на одноместные (*дышать, спать*– кто), двухместные (*читать, ссориться* – кто, что или с кем), трехместные (*давать, дарить*– кто, что, кому), четырехместные (*продавать*– кто, что кому, за сколько) и т.д. *n*-местные.

Замечено, что лексемы-предикаты естественного языка имеют, как правило, от одного до четырех аргументов, или актантов. Однако возможны предикаты, вообще не имеющие аргументов (номинативные предложения, безличные обозначающие явления природы и состояния без определенного субъекта: *Снег; Теплынь; Морозит*). Встречаются и лексемы-предикаты с пятью и шестью аргументами: *арендовать* — арендатор, арендуемый объект, хозяин арендуемого объекта, арендная плата, срок аренды; *командировать* — кто, кого, куда, откуда, на какой срок, с какой целью.

В семантических метаязыках, используемых для описания семантики предложения, используются, как правило, предикаты с меньшим числом аргументов. Это объясняется вот чем. Те сложные ситуации, которые многоместные предикаты естественного языка отображают в нерасчлененном виде, могут быть представлены как определенным образом организованные совокупности более элементарных ситуаций. Так, ситуация, соответствующая пропозиции предложения *Иван продает Маше цветы за 100 рублей*, может быть разложена на такие более элементарные составляющие, как: «Иван перестает иметь цветы», «Иван начинает иметь 100 рублей», «Маша перестает иметь 100 рублей», «Маша начинает иметь цветы». На таком уровне представления обычно оказывается достаточным использовать не более чем двухместные предикаты: «начинаться» „иметь», «каузировать», «хотеть» и т. п. Такая атомизация значения является необходимой для решения целого ряда задач семантического анализа, в

частности для установления семантических отношений синонимии, следования, противоречия между предложениями.

(2) Предикаты отличаются друг от друга не только количеством мест, но и степенью, рангом, или порядком. Для описания некоторых ситуаций нужны предикаты, аргументами которых выступают не термы, а опять-таки предикаты. Это, прежде всего, касается описаний мыслительных и эмоциональных состояний и ряда других ситуаций. Так, ситуация, описываемая в предложении *Мать хотела, чтобы сын поступил в институт*, включает в себя описание более элементарной ситуации «Сын поступил в институт». Соответственно, пропозиция этого предложения имеет сложную структуру, в которой предикат *поступить* выступает в качестве аргумента предиката *хотеть*. Предикат, аргументами которого могут быть только термы, называется предикатом первого порядка. Предикаты, аргументами которых могут быть предикаты n -го порядка, называются предикатами $n + 1$ -го порядка.

(3) Помимо различий, касающихся количества и способа заполнения аргументных мест, предикаты различаются и по типу связи обозначаемых ими ситуаций с осью времени. Поскольку ситуация всегда имеет место в какой-то точке (точках) пространственно-временного континуума, время является обязательным элементом пропозиционального содержания предложения. Оно не входит собственно в предикатно-аргументную структуру пропозиции, а рассматривается как семантический оператор, относящийся к этой структуре в целом.

Первая получившая широкую известность классификация предикатов по характеру связи обозначаемых ими ситуаций со временем была построена американским логиком З. Вендлером на материале английских глаголов [Vendler 1957], а к русскому языку применена Х. Р. Мелигом в [Мелиг 1985]. В ней множество предикатов разбивается на четыре класса:

- состояния (states) — статические, т. е., не меняющиеся с течением времени ситуации;
- деятельности (activities) — длящиеся динамические ситуации, т. е. имеющие естественного предела;
- исполнения (accomplishments) — длящиеся динамические ситуации, имеющие естественный предел, по достижении которого они прекращают свое существование;
- достижения (achievements) — динамические ситуации, состоящие в мгновенном переходе от одного положения дел к другому.

На основе этой классификации были затем предложены более детализированные, например, типология предикатов Т. В. Булыжной [Булыгина 1982] или классификация предикатов Е. В. Падучевой, в которых

помимо соотнесенности обозначаемой ситуации с временем учитывается такой ее параметр, как *контролируемость / неконтролируемость* со стороны субъекта ситуации, под которой имеется в виду зависимость/независимость ситуации от воли ее субъекта. Принадлежность предиката к одному из классов подобных классификаций проявляется в его языковом поведении, в частности, в особенностях реализации у глагольного предиката грамматической категории вида (аспекта), в связи с чем соответствующие классы предикатов иногда называют *аспектуальными типами*.

Другие проявления различий состоят в ограничениях на сочетаемость данных классов предикатов с определенными семантическими классами обстоятельств и целом ряде иных морфосинтаксических, семантических или прагматических ограничений (см. [Булыгина 1982]). Так, предикаты гомогенной деятельности (термин Т. В. Булыгиной, соответствующий вендлеровскому *activities*) не могут сочетаться с обстоятельствами «срока исполнения действия» типа *за два часа, в одну секунду* (ср. неправильность *Они беседуют за два часа* с предикатом гомогенной деятельности *беседовать* и правильность *Они высыхают за два часа* с предикатом исполнения *высыхать*).

Семантические признаки, обуславливающие принадлежность предиката к одному из таких классов, могут быть либо лексически фиксированными, т.е. присущими слову во всех его употреблениях, либо зависимыми от контекста. Так, признак контролируемости у предикатов *добиться / добиваться, очутиться* лексически фиксирован как [+ контрол.] и (-контрол.] соответственно, и поэтому в императивных предложениях с отрицанием первый употребляется только в форме несовершенного вида (ср. *Не добивайся (*добейся) от меня ответа*), а второй — вообще имеет только форму совершенного вида (*Не очутись после кутежа в какой-нибудь канаве*). У многих предикатов данный признак лексически не фиксирован и потому оба варианта императива с отрицанием возможны, причем форма несовершенного вида используется в *прохибитивах* — высказываниях, побуждающих адресата воздержаться от действия, а форма совершенного вида — в предупреждениях (ср. *Не покупай рапсовое масло: мне оно не нравится* и *Будь внимателен: не купи рапсовое вместо кукурузного*).

Термы так же, как и предикаты, подразделяются на ряд категорий.

В поверхностной структуре предложения терму соответствует именная группа. По своей синтаксической структуре именная группа может быть простой, как например *Иван, цветы, или* сложной: *человек, который живет в соседней квартире* и т. д.

По своей семантической сущности термы делятся на следующие основные типы:

1) термы, непосредственно отсылающие к конкретным индивидуализированным объектам. В поверхностной структуре им соответствуют личные местоимения в таких предложениях, как *Он любит ее*. Этот вид термов соответствует понятию *константы* в логике;

2) *собственные имена*, например *Иван, ноль* и т. п. Хотя собственные имена так же, как и личные местоимения, служат для однозначного указания на конкретный индивидуализированный объект, их не следует смешивать с логическими константами. По мнению Дж. Мак Коли [Mc Cawley 1981], собственные имена в обычных контекстах типа *Цезарь убит Брутом*, строго говоря, не являются частью значения предложения, но помогают слушающему или читающему идентифицировать константы, которые действительно являются частями значения;

3) *описания* — именные группы типа *человек; мой садик; дом, который построил Джек*, вершиной (ядром, главным словом) которых является общее имя, или имя нарицательное, называющее то множество, к которому принадлежит обозначаемый объект. В логической форме, отражающей пропозициональное содержание предложения, им соответствуют *рестриктивные термы*, ограничивающие множество объектов, которые можно подставлять вместо *x* в пропозициональную функцию, образуемую предикатом предложения.

Одно и то же именованное выражение может употребляться и как терм, и как предикат, иначе говоря, иметь и термовое, и предикатное употребление. Так, в предложении *Вася начертил треугольник* существительное *треугольник* является рестриктивным термом, ограничивающим предметную область, к которой принадлежит объект, начерченный Васей, а в предложении *Эта фигура есть треугольник* то же имя выражает предикат предложения.

Предикат с его аргументами образуют концептуальную основу, каркас пропозиции. Помимо предикатно-аргументной структуры в пропорцию входят и другие элементы. Так, например, пропозициональное содержание предложения *Петр ни в коем случае не уедет* отображает следующая перифраза 'неверно, что существует такой путь развития событий, при котором в некоторый момент, следующий за моментом речи, верно, что Петр уезжает'. В составе этой пропозиции помимо предиката «уезжать» и имени «Петр» мы находим смысловые единицы других типов, соответствующие понятиям утверждения, отрицания, возможного мира и времени. Подобные единицы смысла подразделяются на категории, заимствованные лингвистической семантикой из логики.

Операторы, кванторы и связки

В классической логике суждения делятся на виды по четырем основаниям

1) По качеству суждения делятся на *утвердительные и отрицательные*. Если в утвердительном суждении отображается тот факт, что данному предмету присуще некоторое свойство, то в отрицательном — тот факт, что данному предмету не присуще некоторое свойство. Соответственно, пропозиции могут совпадать по реляционной, т.е. предикатно-аргументной структуре и различаться тем, что в одной из них эта структура находится в сфере действия семантического оператора утверждения, а в другой — в сфере действия оператора отрицания. По сути, оператор — это одноместный предикат, единственное аргументное место которого заполняет другой предикат со своими аргументами. Оператор отрицания отражается в семантическом представлении (СемП) предложения либо с помощью одного из символов, заимствованных из логики (\neg , \sim), либо с помощью языкового показателя отрицания типа 'не'. Оператор утверждения может обозначаться в явном виде, например, с помощью символа \vdash , либо подразумеваться по умолчанию. Так, пропозиция предложения *Петя спит* имеет вид 'спит (Петя)' или ' \vdash спит (Петя)', а предложения *Петя не спит* — ' \neg спит (Петя)».

2) Помимо утверждения и отрицания для описания пропозиционального содержания предложения необходим ряд других операторов. В предыдущем разделе мы упоминали об операторе времени, ниже пойдет речь о некоторых модальных операторах.

3) По объему или количеству суждения в классической логике подразделяются на единичные (*Иван ленив*), частные (*Некоторые люди ленивы*) и общие (*Все люди ленивы*). Различия в логических свойствах таких суждений отражаются в логике с помощью особых единиц логического языка — *кванторов*.

В языке исчисления предикатов используется всего 2 квантора: *квантор общности* (\forall) — для общих суждений и *квантор существования* (\exists) — для частных. *Квантор* — это своего рода двухместный предикат. Первое место квантора заполняется *подкванторной переменной*, второе — *пропозициональной формой*, содержащей связываемую квантором переменную. Так, предложение (*Некоторые люди ленивы*) представляется в виде формулы: $(\exists x) [\text{человек}(x) \ \& \ \text{ленив}(x)]$.

В лингвистической семантике также необходимы метаязыковые средства, которые отражали бы разнообразные количественные аспекты ситуации, обозначаемой предложением. Так, некоторая абстрактная ситуация, например ситуация 'сдача экзамена', может быть представлена в предложении как осуществившаяся в некоторый конкретный момент

времени с конкретными индивидуальными участниками: *Вчера Иванов сдал экзамен по химии на 5*. Та же абстрактная ситуация может быть представлена в предложении, как имевшая место в различные моменты времени с различными, неконкретизированными представителями определенного класса объектов: *Некоторые студенты сдают экзамен по химии на 5*, Соответственно, пропозиции могут иметь тождественные предикатно-аргументные структуры, но отличаться друг от друга тем, каким квантором связана та или иная переменная этой структуры.

В естественном языке имеется много слов с количественным значением — *кванторных слов*. Помимо слова *все*, которому в логике соответствует квантор общности и слова *некоторые*, которому в логике соответствует квантор существования, это также слова типа *каждый, любой, много, мало, большинство, меньшинство, оба, всегда, иногда*, а также *количественные числительные*. Значение таких слов описывается с помощью семантических единиц, которые, как и в логике, называют *кванторами*. Первоначально лингвисты воспользовались для этой цели логическими кванторами, лишь дополнив их список необходимыми единицами, имеющими иное значение, но в синтаксическом отношении подобными кванторам логики. Позднее было показано, что целям лингвистической семантики в большей степени отвечает трактовка кванторов как своего рода трехместных предикатов. Первое место квантора заполняется *подкванторной переменной*, второе — *рестриктивным термом* — группой имени нарицательного, ограничивающей область определения переменной объектами из определенного класса, составляющего ее экстенционал, а третье место занимает ядерная сфера действия — пропозициональная форма, содержащая связываемую квантором переменную (Lewis 1975). При таком подходе пропозицию предложения (*Обе девочки выздоровели*) можно представить в виде смысловой записи: (Обе x) [девочка (x)] [выздоровела (x)], где 'обе' — квантор, x — подкванторная переменная, 'девочка (x)' — рестриктивный терм, 'выздоровела (x)' — ядерная сфера действия.

Кванторы отражают способ соотнесения термов, выступающих в качестве аргументов предиката, с их референтами в мире дискурса. Этот аспект пропозиционального содержания предложения, называемый референциальным (рассмотрим позже).

4) Еще одно основание для классификации суждений — это **характер связи** отображаемых предметов и их свойств. Так, например, условные суждения выделяются в особый класс, так как отображают зависимость того или иного явления от каких-то условий. Соответственно, условное суждение следует представлять как сложную пропозицию, состоящую из двух или более элементарных пропозиций, объединенных связкой «если ... то», н

логике называемой *импликацией*. Так, суждение *Если Коля заболел, то он не пошел в школу*, отвлекаясь от параметра времени можно представить в виде формулы:

[болеть (Коля)] \rightarrow \sim [идти (Коля, школа)].

Связки — еще одна синтаксическая категории единиц логического языка, используемая для экспликации пропозиционального содержания предложений. Связку можно рассматривать как не менее, чем двухместный предикат, аргументами которого могут быть только пропозиции. Помимо связки «если ... , то» (импликации, обозначаемой символом \rightarrow , или \supset) существуют и другие связки: «и» (конъюнкция, обозначаемая символом $\&$), «или» (дизъюнкция, обозначаемая символом \vee). Связка «или» создает на базе двух или более пропозиций так называемое разделительное суждение. В естественном языке смысловой категории связки соответствует лексико-грамматическая категория союзов. Как и в случае с кванторными словами, союзов в естественном языке больше, чем связок в логике. Семантика союза, как правило, включает в себя семантику той или иной логической связки, но помимо этого несет дополнительную информацию, относящуюся уже не к пропозициональному содержанию предложения, а к другим компонентам его семантики. Тонкий анализ семантики союзов на материале русского языка дан в работах [Левин 1970]; [Крейдлин, Падучева 1974], [Латышева 1982], [Санников 1989].

Итак, две пропозиции могут состоять из одних и тех же реляционных структур, но различаться связками, соединяющими эти структуры. Например: *Петя уехал, а Света приехала*; *Если Петя уехал, то Света приехала*.

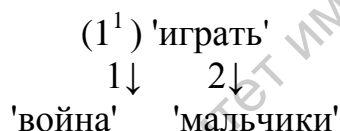
5) По степени существенности отображаемого свойства для предмета суждения делятся на суждения **возможности (проблематические), действительности (ассерторические) и необходимости (аподиктические)**. Соответствующий аспект пропозиционального содержания формализуется в виде так называемых модальных операторов. В бурно развивающейся области модальных логик изучаются логические свойства разнообразных модальных операторов и, прежде всего, возможности (обозначаемого символом \diamond) и необходимости (обозначаемого символом \square). В естественном языке логическим модальным операторам соответствуют как лексические средства выражения (модальные глаголы типа *мочь*, модальные предикативы типа *должен* и модальные вводные слова типа *возможно*), так и грамматические (наклонения).

2) Референциальный аспект пропозиционального содержания

Рассматривая пропозициональный компонент семантики предложения, мы прежде всего обратились к тому его аспекту, который называют **внешнеситуационным**, поскольку он, как правило, отображает ситуацию, «внешнюю» по отношению к самому акту речи. Внешнеситуационный аспект пропозиционального содержания включает в себе информацию о типе ситуации и принадлежности ее участников к определенным категориям. Он воплощается в виде предикатно-аргументной, или реляционной структуры, строевыми элементами которой выступают сигнификаты слов, входящих в предложение. Именно этот аспект пропозиционального содержания моделировался в «слабых» семантических теориях (см. 1.1.4). Так, например, внешнеситуационный аспект пропозиционального содержания предложения (1):

(1) *Мальчики играют в войну*

можно представить с помощью следующей реляционной структуры, в узлах которой стоят сигнификативные значения лексем:

Подобный семантический граф отражает значение предложения весьма приблизительно, проходя мимо того факта, что оно неоднозначно с точки зрения способа соотнесения всего предложения и отдельных его составляющих с миром. С этой точки зрения, оно может, по меньшей мере:

- отсылать к конкретной ситуации с конкретными участниками, например, в качестве ответа на вопрос: *Чем заняты наши мальчики?*;
- выражать общее суждение о мальчиках как классе, например, в качестве ответа на вопрос: *Какие игры характерны для мальчиков?*;
- обозначать неконкретную, повторяющуюся ситуацию с конкретными участниками, например, в качестве ответа на вопрос: *Что делают ваши мальчики, когда вас нет дома?*

Иначе говоря, «голая» реляционная структура никак не отражает того аспекта семантики высказывания, который называется **референциальным**.

Как всякий знак, предложение характеризуется определенными отношениями с миром, действительным или воображаемым, называемыми "отношениями референции, или денотации.

Референтом, или актуальным денотатом, языкового выражения называется фрагмент мира, который имеет в виду говорящий, употребляя это выражение в речи.

Референтом именного выражения, если его главное слово — имя с предметным (в самом широком понимании) значением (*шкаф, студенты, вода, душа* и т. п.), является материальная или идеальная сущность (вещество, объект или множество объектов).

Референт предложения (а также любой предикативной конструкции, включая ИГ с предикатными именами типа *болезнь, встреча*) — это ситуация, или положение дел (явление, состояние, процесс, серия событий и т. п. (ср. типы положений дел, выделяемые в семантических предикатов).

Одно и то же языковое выражение, взятое в одном и том же языковом значении, может иметь различную референцию, т.е. соотноситься с миром дискурса по-разному (пример 11).

Способ соотнесения языкового выражения с действительностью (или неким другим миром, в рамках которого оно интерпретируется) называется **референциальным статусом** (РС) этого выражения. РС присущ употребленному языковому выражению, т.е. факту речи. Языковые выражения сами по себе, как факты языка, лишены референции, но благодаря своей структуре они обладают предназначением для использования с тем или иным РС.

Так, если именная группа (далее ИГ) *философ* в принципе имеет несколько разных способов соотнесения с действительностью, то ИГ *этот философ* или *всякий философ* имеют уже только один способ референции благодаря тому, что в их состав входят специальные языковые маркеры РС — местоимения *этот* и *всякий*.

Е. В. Падучева предложила называть свойство языкового выражения быть предназначенным к употреблению с тем или иным РС **денотативным статусом** (ДС), а языковые маркеры РС — **актуализаторами** денотативного статуса.

Ей же принадлежит первая всеобъемлющая классификация ДС именных выражений с предметным значением [Падучева 1979] и [Падучева 1985: Гл.4], которая пользуется наибольшей известностью в отечественной лингвистике.

Коль скоро ДС определяется через РС, то данная классификация может рассматриваться как классификация РС, а семантические признаки, на которых она построена, — как метаязык для описания референциального аспекта семантики ИГ с предметным значением.